

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 85 (3269)

Суббота, 17 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

ВАЛЕРЬЯНОВЫЕ КАПЛИ „НЬОСУИКА“

Воскрешение из мертвых гитлеровского вермахта серьезно тревожит общественное мнение западноевропейских стран.



Рис. Б. Лео

«Успокойтесь. Вам абсолютно ничто не угрожает», — твердит орган американских монополий журнал «Ньюсуик».

«Ньюсуик» преподнес читателям еще одну порцию валерьяновых капель. Уполномоченный боннского правительства по вопросам безопасности, а также гонимый, адепт унаследованной военной министр Теодор Бланк опубликовал статью на милостиво предоставленных ему страницах «Ньюсуика».

Позвольте, удивится читатель, мы уже слышали подобные заявления Бланка. Так оно и есть. Те же клятвы, что западногерманская армия будет «новой по духу, демократической» и т. п., Бланк расточает в многочисленных интервью и статьях.

В частности, одиозные статьи Бланка были не столь давно опубликованы в лондонских «Таймс» и «Стар». Эти газеты с помощью Бланка также пытались внушить публике, что новый вермахт и монпансье — приблизительно одно и то же.

Что же касается самого Бланка, то создается впечатление, что в его письменном столе лежало несколько сот экземпляров одной и той же статьи, которую он рассыпал для опубликования любой жаждущей газете.

Между вермахтом гитлеровским и вермахтом, создаваемым ныне в боннской республике, разница существует лишь в статьях Бланка. На самом деле у них общие цели, дух, солдаты и офицеры. Например, какой изумительной новизной блещет состав генерального штаба Бланка, где из 180 пилотов офицеров добрая половина работала в гитлеровском генштабе, а 125 офицеров — «рыцари» гитлеровского «железного креста»!

В наборе стандартных «успокоительных» фраз, которыми оперирует Бланк, фигурирует число 12. В «Ньюсуике» Бланк уже в который раз твердит, что западногерманские вооруженные силы будут состоять всего из 12 дивизий. Но в памяти сама собой всплывает зловещая шкала: 10—36—214. 10 дивизий — такова по официальным данным была численность германской армии в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, 36 дивизий — в 1935 году, 214 дивизий — к началу второй мировой войны, развязанной Гитлером.

Бланк начинает не с 10, а с 12 дивизий. Но буржуазные газеты, уже не таясь, говорят о 21, 25 и 60 дивизиях. Как говорится, лжи бы начало...

Нет, валерьяновых капель, которые усердно прописывает «Ньюсуик», не возмужают действия. Общественное мнение Западной Европы возмужало американскими планами возрождения вермахта и в рамках «европейского оборонительного сообщества» и вне этих рамок. И никакими пропагандистскими сладкими не усыпить бдительность народов.

ЛИТЕРАТОР

Прибытие в Ленинград шведских военных кораблей

На Неве против Адмиралтейской набережной стоят суда шведской эскадры, прибывшей с визитом нежности: крейсер «Тре Круноур» и эскадренные миноносцы «Упланд», «Евле», «Мальме» и «Висбо». На флагмане поднят флаг командующего береговым флотом Швеции контр-адмирала Эрика ав Клинта.

На набережной возле кораблей оживлено. Среди ленинградцев, с интересом рассматривающих суда, мелькают темные форменки и синие воротнички шведских матросов. Гости и хозяйка держатся запросто — то там, то здесь завязываются дружеские беседы. Поблизке к причалу выстроились автобусы — они повезут гостей по городу, в пригородные парки и дворцы. Большая группа шведских моряков поселила сегодня Государственный Эрмитаж, другая осматривала залы Центрального военно-морского музея.

На Неве грохочут пушечные выстрелы. Это фламан эскадры салютует в честь командующего Балтийским флотом адмирала Н. Харламова. Командующий приехал к контр-адмиралу ав Клинту с ответным визитом. Сегодня на крейсере был также начальник гарнизона Ленинграда генерал армии М. Захаров, старший военно-морской начальник контр-адмирал А. Валинфатес, представители гражданских властей, которым шведский контр-адмирал сделал свои первые визиты.

Днем на борту крейсера «Тре Круноур» состоялась пресс-конференция. Контр-адмирал ав Клинт приветствовал представителей советской прессы и отметил, что эскадра шведского берегового флота много ожидает от своего посещения Ленинграда.

— Мы особенно рады, — сказал он, — что впервые пораз иностранной эскадрой, которая за долгое время посещает этот богатый традициями морской город. Как вам известно, в это же время советские военные суда прибыли в Стокгольм. Я надеюсь, что русские команды вернутся после посещения шведской столицы с такими же ценными воспоминаниями, какие мы, без сомнения, унесем с собой из Ленинграда.

За время пребывания в Ленинграде гости совершат ряд экскурсий, побывав на советских судах, посетят ленинградские театры, музеи, а также предприятия и научные учреждения. ЛЕНИНГРАД, 16 июля. (Наш корр.)

НОВЫЙ ГОРОД

Города Чехов не найти пока на географической карте — ему от роду всего три дня. Утром 15 июля газеты принесли весть о переименовании Лопасинского района Московской области в Чеховский и рабочего поселка Лопасин, основанного почти восемь столетий назад, — в город Чехов.

Новый город выглядит нарядно: кварталы недавно построенных домов из светлого камня, транспаранты, плакаты, фототриуны. Поспешно разговоры о том, как отразится на жизни бывшего рабочего поселка перевод его в ранг города.

Планы немалые: в этом и будущем году в городе построят новые жилые дома и клуб на 800 мест, здание для библиотеки, благоустроят улицы. В районе сейчас работают 62 школы, будет построено еще три и, кроме того, две больницы, поликлиника, амбулатория. На нужды народного образования ассигнуется ежегодно около шести миллионов рублей.

В нескольких километрах от города находится село Мелихово, где жил и работал с 1892 по 1898 год великий русский писатель Антон Павлович Чехов. Здесь, рядом с домом, он построил по своему проекту в 1894 году флигелец, в котором находился его рабочий кабинет. В трех небольших комнатах флигельца собраны принадлежавшие писателю книги, документы, фотографии.

Сюда, в Мелихово, к двум часам дня 15 июля на торжественное собрание, посвященное памяти А. П. Чехова и переименованию района и поселка, начали съезжаться рабочие, колхозники, служащие, учащиеся, гости из Москвы.

На собрании выступил секретарь райкома партии М. Деменко, писатели М. Ибрагимов, П. Бровка, директор школы Н. Бизянкин, врач Ю. Розинский, школьники В. Русанова, председатель колхоза И. Пчелинцев. Семидесятилетний житель села Мелихово Михаил Прокофьевич Симанов рассказал о своих встречах с Антоном Павловичем.

С интересом смотрели участники собрания Дом-музей, места, связанные с памятью писателя, побывали на фермах и полях колхоза имени А. П. Чехова. Жители села рассказали гостям о своей жизни, показали, где в ближайшее время начнется строительство нового клуба, дома для экскурсантов. А затем состоялся большой концерт с участием московских артистов и местной самодеятельности.

г. ЧЕХОВ, Московской области. (Наш спец. корр.)

У МОГИЛЫ А. П. ЧЕХОВА

Невысокий обелиск из темного мрамора, маленькая скамейка, цветы — так выглядит могила великого русского писателя А. П. Чехова на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

В день пятидесятой годовщины со дня смерти писателя сюда собрался на траурный митинг писатели, артисты, ученые, художники, учащаяся молодежь, люди самых разных возрастов, профессий.

12 часов дня. К. Федин — председатель Всесоюзного комитета по проведению 50-летия со дня смерти А. П. Чехова — открывает митинг. Начинается возложение венков. Их очень много — от жены и сестры писателя, чеховского комитета, Советского Комитета дружбы мира, трудящихся Москвы, Союза советских писателей СССР, художественного театра, Всероссийского театрального общества, группы зарубежных писателей, приехавших на днях в столицу. Венки образуют холм из живых цветов, под которым скрывается могила.

— Знаменательно, — говорит К. Федин, — что такая печальная дата, как годовщина смерти любимого народом великого писателя, отмечается в нашей стране с большим подъемом чувств, светом и жизнеутверждающе. Имя Чехова для русской литературы, для русского театра, всего русского народа с каждым новым днем все больше и больше наполняется жизнью. Мы собрались у этой могилы, у этого простого памятника, чтобы низко поклониться с благодарностью за все, что нам обогатил нас вечно жизнелюбивый, вечно прекрасный наш Чехов.

От Советского Комитета защиты мира выступает С. Герасимов. Проникновенно, с большим чувством выступают народный артист РСФСР В. Орлов — от имени коллектива МХАТ, академик В. Виноградов — от имени Академии наук СССР и румынский поэт М. Венюк. Он закончил свою речь словами: — Бессмертно, подлинно народное творчество великого русского писателя-реалиста Антона Павловича Чехова всегда будет служить для нас, иностранных писателей, лучшим примером.

В КРЫМУ

В живописной шумной Ялте, где под лучами нежного крымского солнца все краски природы кажутся необычайно яркими, в эти дни все напоминает о великом Чехове.

В Приморском парке высится бронзовая фигура Антона Павловича: задумчиво одухотворенное лицо писателя, его взгляд устремлен в бесконечную морскую даль. К подножию памятника, сооруженного в прошлом году по проекту скульптора Г. Мотовилова, возложены венки. Установлены мемориальные доски: на доме, где А. П. Чехов жил в 1898—1899 годах, и на здании одной из местных средних школ, в котором раньше помещалась гимназия, — писатель состоял членом ее попечительского совета.

Имя Чехова носит большой санаторий, в котором отдыхают и лечатся трудящиеся многих городов: в этом здании по инициативе и при непосредственном участии Антона Павловича был создан общедоступный санаторий «Фуалар». Имя Чехова носят один из поселков, одна из центральных улиц города, библиотека, театр. И, конечно, все в Ялте знают дом, где писатель провел последние годы своей жизни. Этот дом, превращенный в музей, посетили сотни тысяч людей.

Многое в Крыму связано с именем А. П. Чехова, и поэтому чеховские дни проводятся здесь особенно широко. Нет города и селения, где не отмечалась бы память о великом гуманисте и человеколюбце. Везде — в Симферополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Севастополе, Алусте, Симеизе, на предгорьях, в сельскохозяйственных артелях и в рыболовецких колхозах — проходят лекции и беседы, открыты выставки и новые экспозиции музеев, в городах и в селах проводятся чеховские кинофестивали.

В воскресенье в Ялте научная областная комиссия по проведению 50-летия со дня смерти А. П. Чехова и Домом-музеем А. П. Чехова. Участники «чтения» заслушали доклады на темы, связанные с жизнью и творчеством великого русского писателя.

ЯЛТА. (Наш спец. корр.)

Памяти великого русского писателя

Советский народ, все прогрессивное человечество отметили пятидесятилетие со дня смерти Антона Павловича Чехова.

Торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов

15 июля в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого русского писателя. В Колонном зале Дома союзов собрались представители московских предприятий, видные писатели, ученые, артисты, учащиеся молодежи, зарубежные друзья, прибывшие из разных стран по приглашению советских общественных организаций, а также главы ряда посольств и миссий, аккредитованные в Москве.

Торжественное заседание открыл председатель Всесоюзного комитета по проведению 50-летия со дня смерти А. П. Чехова Е. А. Федин.

— Сегодня, — говорит он, — по решению Всемирного Совета Мира во всех странах чувствуется память великого русского писателя Антона Павловича Чехова. Широкая известность Чехова среди всех народов мира наполняет нас радостью и гордостью за русскую литературу, за нашего Чехова.

Сквозь густой туман реакции в литературе, в общественной жизни, в политике Чехов принес свой страстный призыв к счастью, свое веро в то, что русская жизнь — на пороге больших, светлых перемен.

Чехов мечтал и верил, что счастье близится. Писатель, горячо любивший народ, не дождался освобождения. Но, как подлинный художник, он всегда с нами — «красиво простой», по слову Горького.

С докладом «Великий русский писатель А. П. Чехов» выступил доктор филологических наук В. В. Ермилов.

— Имя Чехова, — сказал он, — дорого всему прогрессивному человечеству. Это родное и любимое имя особенно близко нам, советским людям.

Чехов глубоко питал в себя лучшие традиции передовой русской литературы. Истинный новатор, он жанр маленького рассказа поднял на высоту великой литературы. В кратчайших рассказах он научился передавать всю жизнь человека, воплощать законченные, своеобразные характеры, проникать в глубину жизненных противоречий.

Каждая строка, каждое слово Чехова вдохновлено любовью к простому, самому обыкновенному человеку. Героями его произведений являются во множестве люди из народа, из трудовой интеллигенции.

Творчество Чехова — наглядное опровержение лживых рассуждений о том, что русская литература критического реализма будто бы не создала образов положительных героев. Целая галерея портретов чудесных русских людей создана великим знатоком русской жизни! Многие образы чеховских произведений как бы служат живым подтверждением мысли, высказанной им в одном из писем: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!»

Особенно дорогим для нас свойством Чехова является его умение раскрывать внутреннюю красоту обыкновенных, простых людей, красоту будничного, повседневного в жизни. Этому умению раскрывать красоту, скрытую в обыкновенной жизни простых людей, может и должна учиться у Чехова наша литература.

По могуществу своего критического реализма, по глубине и беспощадности отрицания эксплуататорского общества гений Чехова не уступает гению таких гневных обличителей этого общества, как Лев Толстой, Штедлин.

С присущей ему неотразимой силой правды выводил он на свои страницы меркляе

простых людей, которых можно найти всюду, в любой стране. Чехов любил людей, он мечтал о том времени, когда исчезнут мрак, невежество, пошлость и наступит счастливая жизнь. Прошло 50 лет, и мы видим, что дети и внуки нашей Родины поняли Чехова. Это они построили у себя счастливую жизнь; они хотят, чтобы счастье и согласие воцарились на земле. Чеховская память Чехова, мы еще глубже проникаемся твердой уверенностью в то, что культура и цивилизация будут расцветать на всей земле в обстановке мира, который мы построим, — заканчивает Изабелла Блюм под горячие аплодисменты присутствующих.

— Дорогие товарищи! — сказал китайский писатель Ва Цзинь! — Сегодня, когда миролюбивые люди всего мира чтут память великого русского писателя, мне хочется сказать о той огромной любви, которую питает китайский народ к Чехову, к великому русскому народу. Чехова любят за его любовь к людям, за его веру в лучшее будущее. Его произведения — гордость не только русского народа, они принадлежат всему миру. Его имя стоит рядом с величайшими писателями человечества. Чехов неотъемлемо беднее с пошлостью, он мечтал о том времени, когда «все изменится, точно по волшебству. И будут... громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». Мечты Чехова осуществились — появились замечательные люди, расцвели чудесные сады, — и это не только на родине Чехова, но и в ряде других стран, в том числе в народах Китая. И какие бы планы ни строил поджигатель войны, им не удастся уничтожить новое: старое все равно отомрет, а новое — победит.

Выступил немецкий писатель Вилли Бредель.

— Дорогие товарищи, дорогие друзья! В день чествования великого русского писателя Антона Чехова в связи с пятидесятилетием со дня его смерти я хочу передать вам горячий привет от имени немецких писателей и немецкого народа!

Эти слова, сказанные по-русски, зал встречает аплодисментами.

Далее Вилли Бредель выражает глубокую благодарность за приглашение приехать в Советский Союз на чествование памяти Чехова и рассказывает о том, каким успехом пользуются произведения Чехова у немецкого народа.

— Наш народ, — сказал болгарский писатель Людмил Стоилов, — любит Антона Павловича Чехова, как своего родного писателя. Плотворное влияние оказал Чехов на многих болгарских писателей. Чеховская драматургия помогла и помогает совершенствоваться нашему театру. Чехов был подлинно народным писателем, именно поэтому он и сейчас наш соратник в борьбе за мир, за дружбу между народами.

Па трибуне румынский писатель Михай Бенюк. Он приветствует собравшихся от имени румынских писателей и румынских сторонников мира и говорит о том значении, какое имеет творчество Чехова для румынской литературы.

Выступивший затем генеральный секретарь Японского комитета защиты мира профессор Хирао подчеркнул, что произведения Чехова, особенно «Вишневый сад», очень популярны в Японии. — В день пятидесятилетия со дня смерти Чехова мы вспоминаем ту роль, которую сыграли в Японии его произведения, и славим его память, — заявил профессор Хирао.

В заключение состоялся большой концерт.

Друзья Чехова — друзья мира на этой прекрасной земле. Они сумеют отстоять мир во всем мире. Поручай этому — разум и воля нашего великого народа и всего передового человечества, разум и воля нашей родной Коммунистической партии.

Драматургия Чехова, ее значение для становления и развития Московского Художественного театра повсюду свое выступление главный режиссер МХАТ М. Н. Кротов. — Драматургия Чехова была новаторской. Изучая ее, мы поражаемся глубиной мысли, умением в самом простом и обыденном увидеть всю глубину и тонкость человеческих переживаний. Гениальные произведения драматурга-новатора потребовали новых поисков на сцене и привели молодой тогда Художественный театр к замечательным творческим победам, первой из которых была постановка «Чайки».

Драматургия Чехова составила ценную эпоху в идейно-творческом развитии МХАТ.

Слово предоставляется видной общественной деятельнице, лауреату международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Изабелле Блюм.

— Мне выпала высокая честь приветствовать от имени Всемирного Совета Мира участников этого заседания, посвященного памяти одного из великих писателей — Антона Павловича Чехова, — говорит она.

В настоящее время, когда некоторые люди стремятся разобщить человечество, цивилизацию, культуру, это заседание особенно знаменательно, как стремление лучших людей к миру, к взаимному культурному сближению и обмену.

Чехов — великий писатель русской классики — принадлежит всем нам! И не только потому, что его произведения давно переведены на многие языки народов мира. Чехов создал замечательные образы

люди, которых можно найти всюду, в любой стране. Чехов любил людей, он мечтал о том времени, когда исчезнут мрак, невежество, пошлость и наступит счастливая жизнь. Прошло 50 лет, и мы видим, что дети и внуки нашей Родины поняли Чехова. Это они построили у себя счастливую жизнь; они хотят, чтобы счастье и согласие воцарились на земле. Чеховская память Чехова, мы еще глубже проникаемся твердой уверенностью в то, что культура и цивилизация будут расцветать на всей земле в обстановке мира, который мы построим, — заканчивает Изабелла Блюм под горячие аплодисменты присутствующих.

— Дорогие товарищи! — сказал китайский писатель Ва Цзинь! — Сегодня, когда миролюбивые люди всего мира чтут память великого русского писателя, мне хочется сказать о той огромной любви, которую питает китайский народ к Чехову, к великому русскому народу. Чехова любят за его любовь к людям, за его веру в лучшее будущее. Его произведения — гордость не только русского народа, они принадлежат всему миру. Его имя стоит рядом с величайшими писателями человечества. Чехов неотъемлемо беднее с пошлостью, он мечтал о том времени, когда «все изменится, точно по волшебству. И будут... громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». Мечты Чехова осуществились — появились замечательные люди, расцвели чудесные сады, — и это не только на родине Чехова, но и в ряде других стран, в том числе в народах Китая. И какие бы планы ни строил поджигатель войны, им не удастся уничтожить новое: старое все равно отомрет, а новое — победит.

Выступил немецкий писатель Вилли Бредель.

— Дорогие товарищи, дорогие друзья! В день чествования великого русского писателя Антона Чехова в связи с пятидесятилетием со дня его смерти я хочу передать вам горячий привет от имени немецких писателей и немецкого народа!

Эти слова, сказанные по-русски, зал встречает аплодисментами.

Далее Вилли Бредель выражает глубокую благодарность за приглашение приехать в Советский Союз на чествование памяти Чехова и рассказывает о том, каким успехом пользуются произведения Чехова у немецкого народа.

— Наш народ, — сказал болгарский писатель Людмил Стоилов, — любит Антона Павловича Чехова, как своего родного писателя. Плотворное влияние оказал Чехов на многих болгарских писателей. Чеховская драматургия помогла и помогает совершенствоваться нашему театру. Чехов был подлинно народным писателем, именно поэтому он и сейчас наш соратник в борьбе за мир, за дружбу между народами.

Па трибуне румынский писатель Михай Бенюк. Он приветствует собравшихся от имени румынских писателей и румынских сторонников мира и говорит о том значении, какое имеет творчество Чехова для румынской литературы.

Выступивший затем генеральный секретарь Японского комитета защиты мира профессор Хирао подчеркнул, что произведения Чехова, особенно «Вишневый сад», очень популярны в Японии. — В день пятидесятилетия со дня смерти Чехова мы вспоминаем ту роль, которую сыграли в Японии его произведения, и славим его память, — заявил профессор Хирао.

В заключение состоялся большой концерт.

ЛЕДЯНЫЕ поля, окрашенные на солнце, тронутые известными робкими тенями, прорезанные трещинами узких разводьев, уже несколько часов подряд тянулись под нами. Их тяжелое, бескрайнее однообразие постепенно притупляло внимание и приучало к мысли о беспредельности и отдаленности этой белой пустыни.

Вдруг впереди возник поселок — просторный, прочно поставленный. — Илья Павлович, СП!

Мазурук летит сегодня на Северный полюс в девятый раз, и когда до него доносится этот возглас, он думает, как, в сущности, закономерно, что среди наших полярников возникло и стало обычным это удобное, деловитое сокращение «СП» — Северный полюс.

Трудно сейчас установить, когда оно прозвучало впервые. Потребовался многолетний, полный героики труд тысяч людей — летчиков и моряков, строителей Арктики, ученых, разрабатывавших орел геоистинности этой самой северной точки земного шара, чтобы с уст простого человека вышло это обращение «накоротке» к Северному полюсу: «СП».

Поселок под нами чем-то напоминал полевой стан и в то же время выглядел, как крепость. Его строения — здания, черные шатры-палатки, домики с окнами и тонкими трубами, автомашины, поставленные в ряд, трактор с прицепом, промывочно-разрезные и покрытые брезентом грузы, — все это по плану группировалось вокруг тонкого упругого шеста, над которым висел алый стиг. В центре лагерь и между палаток, на тропках стояли люди. Они стояли, широко расставив ноги, запрокинув головы, вскинув к небу руки.

Мазурук словно слышал, о чем они кричали. Не своя с лагерь глаз, охватывая все, что в нем происходило, он зачем-то вытаскивал гребенок, быстро прошелся пальцами по мягким седущим волосам, приглядела кустистые брови: всеяд за тем размеренный ритм многочасового полета нарушился. Сильно прижимая самолет к низу и на скорости раскачивая его с крыла на

Встреча на Северном полюсе

Весной этого года Главное управление Северного морского пути совместно с Академией наук СССР организовало на дрейфующих льдах Центральной Арктики 2 научные станции для продолжения научно-исследовательских работ в Северном Ледовитом океане.

Научные работы на обеих станциях ведутся по программе, охватывающей все области знаний об Арктике. На станциях развернуты лаборатории. Регулярно производятся измерения глубин, изучение атмосферы, геологии дна океана и ряд других океанографических наблюдений. Станции расположены на полях многолетнего льда. Сотрудники станций размещены в разборных передвижных домиках и утепленных палатках и обеспечены необходимыми запасами продовольствия. Отопление жилых помещений производится углем и газом. Станции обслуживают вертолеты, тракторы и автомобили.

Одну научную станцию, высаженную на лед в пункте 86°00' северной широты и 175°45' западной долготы, возглавляет кандидат географических наук, Герой Социалистического Труда А. Ф. Трешников. Станция дрейфует в северо-восточном направлении и по состоянию на 15 июля с. г. находится в районе 88°02' северной широты и 151°40' западной долготы.

Вторую научную станцию возглавляет кандидат географических наук Е. И. Толстиков. Эта станция была высажена на лед в районе 75°48' северной широты и 175°22' западной долготы и в настоящее время дрейфует в северо-западном направлении. Координаты станции по состоянию на 15 июля с. г. 77°22' северной широты и 174°20' восточной долготы.

Высадка станций на дрейфующие льды осуществлялась высокоширотной воздушной экспедицией. Экспедицией одновременно проведены обширные научно-исследовательские работы в центральной части Северного Ледовитого океана. Подробно обследован околосредний район в полосе простирания подводного хребта имени М. В. Ломоносова и район материкового склона в северной части Чукотского моря.

С дрейфующими научными станциями поддерживается регулярная радиосвязь. Сотрудникам станций доставляются с материка письма, посылки и газеты, а также свежие овощи и фрукты. Все сотрудники дрейфующих станций чувствуют себя хорошо и успешно выполняют возложенные на них научно-исследовательские работы.

Видящий одновременно обязанности завхоза, с выражением зачитывает опись доставленного: альбомы, картошка, спирт, пишущая машинка, запасные части для трактора, лыжник... Полярники разбирают и выносят грузы. В руках многих письма, поданные из дому.

В стороне, уткнувшись лицом в раскрытую посылку, замер метеоролог Георгий Иванович Матвейчук. Сущее чудо прибыло на Северный полюс — букет из ландышей! Они покоятся на дне ящика, уложенные необыкновенно заботливо, но так хрупки и свежи, что к ним боязно прикасаться. Глазчатые стебли, легко охваченные иголкой, граничные расквашившиеся лепестки источают нежный аромат. Немного ошарашенный Матвейчук осторожно, как иголку, укладывает на ладонь этот упругий комочек живой московской весны.

— Яена пришла!.. Трешников тоже подходит, нюхает. Лет шесть назад, когда он во главе отряда гидрологов вел исследования в районе полярной пустыни, полярникам было не до увальт... В тот год уже имелось данные о существовании подводного хребта, а теперь он изучен и назван именем М. В. Ло-

моносова. С иным размахом подходит к жизни на дрейфующей льдине люди, близкие «обживанию» новые районы, близкие к Северному полюсу.

Алексей Федорович рассказывает нам о широте исследования, о новой технике, которой вооружена дрейфующая станция. В домике гидрологов поставлена «почти комфортабельная» лаборатория, радисты покинули временную палатку и создали в своем новом домике «настоящий радиопункт». Между прочим, жилье радистов ставится еще и теплицей — вырастают лук, редис, салат. Группа аэрологов во главе с Василием Канаки построила маленький газонный заповедник; аэрологи, которые они закупают, достигают больших высот. На днях обнаружено интересное явление: на высоте 1500 метров было пять градусов тепла. И это — в районе Северного полюса! Перед научными работниками возникают новые проблемы. Каждую пятницу в кают-компанию руководители научных отрядов делают доклады, проводятся настоящие научные конференции. Вот так и живем!.. Ну, и трудностей, конечно, не мало, сейчас самая большая забота — борьба с водой.

— Как медиаторы ходим, — смеется Трешников, — кругом лужи! Но приспособились. Как Илья Павлович, может, отпариваем, сами посмотрите? А то ребята интересуются: «Гоманяки к нам в деревню придете?»

— Обязательно! — всею отзывается Мазурук. — Придем, будем осматривать хозяйство, толковать о трудностях... Пусть самоварчик задурут!

Вертолет отрывается от аэродрома, летит всего несколько минут и опускается рядом с домом, самым крупным в лагере. Оказывается, мы много не заметили с воздуха. Некоторые палатки приносятся над снегом и стоят на бочках, как на сваях. В галубоватых, неаэрированных лужах — рудные буры. Ими сверлят лед, чтобы спустить в океан воду. Поискователи на ветровке себестоимости, не сильно надутые галогальеры.

Из домика выскакивает повар Иван Максимович Шариков. Он бежит к нам навстречу, не забывая дороги, белый волпак съехал на латылках.

— О, господи, огуртки, подпортылки! — счастливо причитает он, подхватывая один из ящиков, и с проникновенной

уверенной добавляет: — Бидончик сметаны тоже могли бы прихватить!

Самое большое строение — кают-компания. Здесь пианино, на его крышке (в пеленках экономии места) установлен закопченный киноаппарат, радиолы с проигрывателем. Высокая полка уставлена книгами. На двери висят доска объявлений и карта дрейфа.

С утра объявлено, что обед будет праздничным, и потому лагуны столы на алюминиевых ножках покрыты крахмальными скатертями. Самовар — в полной боевой готовности. Гости отведены места за одним столом с начальником дрейфующей станции, его заместителем по научной работе Шамоновым, парторгом Пономаренко. Мазурук рассказывает о столице, о беседе в Бурме, куда он был вызван перед самым вылетом в лагерь, о внимании партии и правительства к героической работе коллектива дрейфующей станции.

Мазурук откладывает старых друзей, встает с места и прощательно говорит об этой, не первой уже встрече советских людей в районе Север

Вход на стадион

Большая, полнокровная человеческая красота всегда представляется мне связанной со спортом; мне кажется, что люди, пришедшие посмотреть, например, футбольный матч, переживая порыв стадиона, сами становятся подтянутой, сильной, красивой. Но невольно задается вопрос: а почему еще так много людей, которые являются только зрителями спортивных соревнований?

Мы гордим тем, что ни в одной стране мира нет такого количества людей, занимающихся спортом, сколько есть у нас. Но можно ли удовлетвориться этим? Нет. Недавно я узнал о том, что на заводе имени Ворошилова в Ворошиловграде и на нескольких других крупных предприятиях спортом занимается только одна двадцатая часть молодежи. «Вне спорта» оказалось и очень много народа среднего и пожилого возраста.

Вот о них и хочется поговорить — о людях, которые являются сегодня только зрителями, но завтра должны стать и станут, спортсменами.

Матч заканчивается, и стадион затихает. По вечерам тренируются две-три группы легкоатлетов, а утром и днем стадион вовсе пустует. Но дождь — до следующего тренировка или соревнования — закрыты все входы. Закрыты наглухо, хотя рядом, в окрестных домах, живет множество людей, которые мечтают о том же, когда смогут зайти на этот же стадион и после бесед с врачом и тренером принять участие в спортивной игре, метнуть копье, пробежать круг, другой по дорожке.

Они мечтают о постановлении, которое запретило бы закрывать входы на стадион в светлое время дня! Стадионы (и все спортивные площадки, корты, водные станции) должны быть доступны каждому, и пусть не служат этому помехой ни возраст, ни профессия, ни отсутствие членского билета добровольного общества. Тогда даже тот, кто не стремится к лаврам чемпиона, а хочет лишь поддерживать свое здоровье, получит доступ к физической культуре — этому великодушному средству продолжения человеческой жизни.

Недавно мне довелось побывать в Эстонии. Может быть, потому, что любовь к спорту у меня в крови, я не до конца представляю себе горю, если не увижу его стадиона. В Таллине я был на городском стадионе, не несколько раз, смотрел соревнования школьников и низовых коллективов общества «Спартак». Здесь не устанавливались рекорды, — меня обрадовало полное спортсменами самых различных возрастов. То же самое приходится наблюдать и в других городах Эстонии.

Этого эстонцы добились, в частности, потому, что у них спортсмены не раздроблены между десятками обществ, и потому, что они предпочитают строительство спортивных сооружений, содержащих их в образцовом порядке. Член любого профессионального союза может прийти на стадион и попросить принять его в любую спортивную секцию.

Нельзя, здраво рассуждая, не согласиться с теми соображениями, которые были высказаны в печати относительно создания территориальных спортивных организаций. В самом деле, живет, скажем, киевлянин поблизости от стадиона общества «Локомотив», а работает в другом конце города — на мотоциклетном заводе, где функционирует спортивное общество «Торпедо». Не скитаясь на стадион «Локомотива» ему никак не попасть. Вот и ушел человек со стадиона, и кто может поручиться в том, что не ушел в эту минуту возможный мастер спорта.

Дело, разумеется, не только в материале. Думается мне, что многое нужно перестроить в работе наших обществ, потому что их замкнутость становится помехой на пути дальнейшего роста массового спорта. Требуется создать такую организационную и материальную базу для спорта, такие условия, которые позволили бы вовлечь в ряды физкультурников не миллионы, а многие десятки миллионов людей.

За последние годы добровольные общества отказались даже от тех интересных массовых спортивных соревнований, которые проводились в прошлом. Я, например, до сих пор хорошо помню большую рабочую спартакиаду, проходившую в 1928 году в Москве. Мне по-настоящему участвовать в ней, и хотя я как спортсмен никаких особых успехов не достиг, эта спартакиада вошла в мою жизнь как большое событие. Я навсегда полюбил спорт, и по сей день одно воспоминание о бетовой дорожке, состоявшей из нескольких прыжков, вызывает приятное волнение. Эта спартакиада выявила множество талантливых физкультурников. К ней готовились десятки тысяч людей. Это поистине было крупным спортивным событием в жизни страны.

А приходится ли нам теперь слышать о соревнованиях подобного масштаба? Часто ли встречаются между собой команды крупных заводов, предприятий, производственных спартакиад? Мне кажется, что надо вернуться к этим понастоящему массовым соревнованиям: проводить, скажем, раз в два или три года спартакиады профсоюзов, приглашая на них также спортсменов стран народной демократии и представителей профсоюзных спортивных организаций капиталистических стран.

Нет спору, в послевоенные годы сделано много. Советские люди стали значительно здоровее и сильнее, чем были раньше. И здесь, наряду с неуклонным повышением материального благосостояния трудящихся в нашей стране, наряду с широкой деятельностью органов здравоохранения, неоспоримы заслуги физкультуры и спорта. Лучших представителей этой огромной, сильной армии спортсменов мы увидим в праздничный день на улицах и стадионах наших городов. Но когда к следующему праздничному дню эта армия приумножится свои ряды, мы хотим, чтобы спорт стал еще более массовым.

Наконец, несколько слов о нас, литераторах. Успехи советского спорта неоспоримы (и недостатки, как видим, еще есть), а написано об этом до обидного мало. Несправедливо это, потому что спорт в жизни народа становится все более необходимым. Перед нами, литераторами, здесь неопытный край работы, и надо полагать, что жизнь очень скоро заставит много из нас приняться за разработку этой благородной и нужной темы.

Пройдет немного лет, и у нас в республике будут сотни тысяч новых спортсменов. Реально ли эта задача? Конечно, реально, хотя на пути к ее решению есть еще немало препятствий. Вот о них я и хочу рассказать.

Плохо, а иной раз очень плохо поставлена у нас работа по повышению спортивной техники у молодежи, из-за чего интерес к спорту начинает снижаться. Так, недавнее республиканское соревнование легкоатлетов «Медика» прошло при пустых трибунах, почти не было зрителей на соревнованиях сельских физкультурников Ташкентской области и на выставках перенатива высших учебных заведений по гимнастике, стало меньше народу и на футбольных матчах.

И действительно, кого из зрителей привлекает, например, встреча лучших легкоатлетов добровольного общества «Буревестник», если ни один из них не может выполнить норму первого разряда? А примерно такой уровень техники у спортсменов многих добровольных обществ Узбекистана.

Выступлению неопытных, неподготовленных спортсменов едва ли могут быть средством пропаганды физкультуры. Эта пропаганда плохо ведется и в повседневной деятельности спортивных обществ. В результате ослабевает интерес к физической культуре, к спортивным секциям. В составах сборных команд республики по плаванию, баскетболу, волейболу нет сегодня ни одного узбекского спортсмена. Их очень мало и в составе сборной легкоатлетической команды республики. Совсем редко мы видим на стадионах спортсменок-узбечек.

Возникает вопрос: а для чего же существует множество спортивных организаций, расходующих огромные государственные средства? Ведь их главная задача заключается в широком вовлечении в спорт узбекской молодежи.

Мне кажется, что причину этого положения надо искать в структуре спортивных организаций. Получилось так, что в Узбекистане механически перенесли структуру, принятую в таких республиках, как РСФСР и Украина, где имеются свои прочные спортивные традиции, и многочисленные тренеры, и большие материальные средства. А у нас эта система расплылась физкультурное движение на множество небольших обществ. «Стрелки», «Энергия», «Хрустальные», «Уражай», «Красное знамя» и другие не имеют возможности содержать штатных тренеров и инструкторов.

Одним из путей вовлечения в спорт людей самых различных возрастов является широкое развитие национальных видов спорта, которые очень популярны в народе. Между тем у нас неохотно занимаемся и этими видами спорта. Надо включить соревнования по национальным видам спорта во все спортивные календари городов, добровольных обществ, заводов, колхозов.

Сделаем же все возможное и возможное, чтобы спорт стал у нас еще более массовым, еще более любимым народом, чтобы спортивные организации Узбекистана объединили всю нашу прекрасную молодежь.

Г. КОЦАРЕВ, тренер

Ташкент

С агрономом Гаврилюком я познакомился ранней весной. За селом Кундравы, на холмах, отрогах Уральских гор, стояли березовые леса — сквозные, прозрачные.

Мы шли по полям. Впереди шагал Гаврилюк в тяжелых сапогах, в потертом пальто, в зимней шапке с опущенными ушами: весна — весной, а ветер холодный.

Разговор между нами начался еще в конторе МТС, в тесной комнате с портретами Косыгина, Докучаева и Вильямса по стенам. Там собиравшиеся колхозные агрономы и обслуживали пришедшие из области распределение — распахивать дополнительно тысячу гектаров под зерновые.

— Видите, — указал мне Гаврилюк на противоположный берег, где черная пахта глубоко врезалась в березовые перелески. — У нас, что можно, уже распахано. Под ноточку.

— Но тысяча гектаров! На что же тогда рассчитывать область? Гаврилюк ухмыльнулся:

— Нам просто предлагают: у вас много земли занято под травами, предоставляем выбор — распахивайте поля трав или находите нетронутую землю...

Петру Степановичу Гаврилюку пятьдесят лет, в этот год он встретил двадцать шесть весну агрономом. Был крестьянином, выписывал на дом журнал «Сам себе агроном», направили в сельскохозяйственный техникум, получил диплом, стал работать главным агрономом Миасского районного земледельца — обычный путь.

В этих местах жило когда-то оренбургское казачество. Земля было много. Распахивали поле, севали хлеб год, другой; переставало поле родить — забрасывали его лет на пятнадцать, на двадцать. Это в агрономических учебниках имеет свое название — переложная система. Потом слух о нетронутых землях перешел через Уральские горы, и к богатому чернозему потянулись скрученные телеги обезземельных крестьян. Не стало былого простора, не забросили землю на пятнадцать лет. Начали пахать кому как вздумается, выжидали из земли, что могли. Этому названию — «перстополье». Более расчистились хозяйства стали делить свою землю на три поля: на двух севали, третье оставали отдыхать. Трехполька — дальше этого не шли.

С этим и столкнулся молодой агроном Петр Гаврилюк. А он должен был помочь колхозам в освоении новых, травопольных севооборотов. В земельных учреждениях составлялись тонкие схемы: в схемах указывалось: столько-то полей занять зерновыми культурами, столько-то травами, столько-то оставить под парами. Бумаги приходили в колхозы, и тут нередко оказывалось, что поля невозможно засеять травами по той простой причине, что нет семян этих трав и взять их неоткуда. Схемы оставались схемами — бумагой, разграфленной, покрытой цифрами...

Когда в Челябинском областном земельном отделе узнали, что часть миасских полей не занимается клевером, как того требует схема, в район тотчас же была послана строжайшая директива: высевать на гектар не по двенадцати килограммам, а по четырем. Но план во что бы то ни стало выполнялся? Это директиву получил Гаврилюк. А он отлично знал, что сеять на миасской земле по четыре килограмма клевера — значит бросать семена впустую.

Как тут было поступить? Проблема возникла не только агрономическая, но и человеческая, моральная. Выполнил Гаврилюк инструкцию — и был бы на хорошем счету у областного земельного начальства. Следуй он шаблону — и жил бы без забот: приказ выполнен, а там, как говорится, трава не растёт... Но в том-то и дело, что коммунист Гаврилюк, который вырос в этих местах и любил эту землю, хотел, чтобы трава росла.

Миасский районный агроном встал по-

ти схемы, и с этого самого момента началась его долготелая борьба против любой-тоша шаблона. Борьба в одиночку? Нет, Гаврилюка поддерживали колхозники, его сторону приняла дирекция МТС, секретарь райкома партии сказал ему:

— Делай по-своему. Вместе отбывать будешь!

И Гаврилюк начал делать по-своему. Всегда он считал акземника Вильямса своим учителем. Но и с учителем пришлось поспорить. По Вильямсу, клеевый пласт под зобом падает поздно осенью. Но в Миасском районе осень сразу наступает холодная, с мелким дождем, быстро переходящим в снег. Решили пахать, прихватывая теплые дни, в конце августа. Стали получать урожаи намного выше.

Строптивый миасский агроном, пренебрегая мнением догматиков, сам творил науку на своей земле — скромно, без шумихи.

...Еще в годы молодости Петр Степанович на агрономических курсах встретился с одним наречком. Тот работал близ Шадринска колхозным полеводом. Видать, привык ходить по полям босяком, и новые сапоги, в которых он прескал на курсы, тяготили парня. После лекций, в общежитии он скидывал их и, уткнувшись в книгу, сидел на кровати, подбрав босие ноги. Это был Терентий Мальцев, ставший позднее знаменитым полеводом, колхозным опытным, ученым.

От села Кундравы, где работает Петр Гаврилюк, до колхоза Терентия Мальцева в Шадринском районе — всего километров триста по прямой, и того не будет. Петр Степанович ухватился за опыт Мальцева — тоже решил по его примеру отнаться в осенний сев к концу мая, к началу июня.

Выжидали время, пролился культиваторами, уничтожили овсюг и осот, посеяли пшеницу, быстро и густо поднялись всходы. Хлеб вырос, но... созреть не успел — началась осень, ударили дожди. В сущихках из-под зерна ручьи текла вода, само зерно вышло сморщенное, легкое — не выспелось из такого доброго хлеба.

Три года упорно экспериментировал Гаврилюк, очень уж увлекался его новая идея, а потом убедился: недалеко живет Терентий Мальцев, но там другие почвенно-климатические условия. Миасский район лежит на отрогах Уральских гор, и осень здесь начинается раньше. Петр Степанович отказался от поздних сроков сева.

А тут уж о делах Терентия Мальцева начали писать в газетах, ставить его в пример на совещаниях. Брошюра об опыте шадринского полевода была включена в учебные планы переподготовки всех агрономов. Те самые чиновники, которые прежде считали самого Мальцева веротопустником, теперь тотчас были обвиняли в отсталости всякого, кто не принял буквально всей его агротехники. И снова приходилось отстаивать свое право развивать науку применительно к условиям своего района.

В 1951 году все миасские колхозы полностью освоили травопольные севообороты. Урожай пшеницы в двадцать пять центнеров с гектара с тех пор здесь не в диковинку, по двадцать пять, по тридцать центнеров с гектара снимают и клеверного сена. Даже в крайне засушливый 1952 год, когда все лето над пыльными деревенскими улицами висело безоблачное, бледное, словно подлинное из жары небо, средний урожай зерновых по всему району был двенадцать центнеров с гектара.

Казалось бы, тут и конец борьбе — миасские колхозники доказали свою правоту делом, урожаками на полях. Но что это для людей, которые вылят одну лишь сдержку? В том самом 1951 году, когда одержана была окончательная победа, прибыл в Кундравы представитель республиканского Министерства сельского хозяйства. Прибыл и возмущался: почему же это севооборот? В колхозе «Южный Урал» положено было три года держать клевера, а

их запашали в первый же год, в колхозе имени Калинина положено быть на таком-то поле пшеница, а растет овес, кукурузы скажут с поля на поле, как козы! — его сравнение, не выдуманное. Представитель говорит: урожай, мол, возрос, а он в ответ — не положено!

...Мы шли с Петром Степановичем по грязным проселочным дорогам, среди черных, с избытком впитавших в себя осеннюю влагу полей. Наход прелым листом и горьковатой корой ивняка, негусто растущего по берегу озера. Гаврилюк рассказывал, а приглядываясь к нему. Жесткие усы и борода пробивает седина. Как у всех людей, которые проводят большую часть жизни на поле, под солнцем, от глаз — глубокие морщины. Сами глаза поражают невыцветшей молодую синевой.

Село Кундравы раскинулось перед нами по-весеннему неприглядное, с пустынями огородов, щетиной кустов и голыми ветлами. И, видно, Петр Степанович почувствовал яву неприглядности. Он заговорил вдруг о том, что летом здесь очень хорошо. На огородах дремучими зарослями поднимается картофельная ботва, кусты и деревья закрываются стены, окна, даже крыши домов. В рошце по вечерам собирается народ, играет духовой оркестр, в ларьках газированной водой и приправками торгуют — своя продукция, не завезенная. Пробовали конфекты делать — не получилось. Новая кирпичная школа строится, новая баня заложена.

— Живут люди... — эти слова Петр Степанович произнес со своей обычной лукавничкой. Но какую-то серьезную доброту и если не обиду, родительскую гордость застел я под его лукавой усмешкой. Точно такую же доброту и скупую, ревниво скрытую гордость я уловил как-то в голосе Петра Степановича, когда он говорил о своем сыне: «Ничего, не пожалуйте. Учится хорошо, честный парень».

Живут люди! Гаврилюк имеет право сказать эти слова с родительской гордостью. Среди всех больших и малых полей, свершившихся в последние годы вокруг села Кундравы, его победа — одна из самых значительных. Агроном помог вывести порядок на колхозной земле.

Словно в ответ на мои мысли Петр Степанович снова заговорил о своем:

— А траву нам нельзя трогать. Ведь на февральско-мартовском Пленуме ЦК разоружил шед о тех районах, где травы не дают урожай и себя не оправдывают. Там их, конечно, надо пустить под пауг. А у нас? — Но план-то государственный надо выполнять?

— Конечно, надо, — спокойно согласился Гаврилюк, — только по-умному. Придется эти гектары на урошине по клочку выискивать, выписывать, распахивать, в каждом колхозе думать. Не по шаблону... Тут рядом еще государственная земля пустует. Думаю, разрешат распахать. А травы... Нет, травы мы не троем.

Мы боремся сейчас против шаблонщиков, людей, боящихся, не умеющих, не желающих думать. И мало здесь погоничить с догматизмом «сверху» — со схемами, исходящими из различных земельных учреждений. В конце концов, не это самое трудное. Куда сложней побороть догматизм «снизу» — безразличие многих и многих агрономов, которые, боясь ответственности, привыкли, не задумываясь, выполнять любую инструкцию. Каждый агроном должен у нас стать ответственным товарищем!

Весной этого года миасские одержали еще одну победу. Трав не тронули, клевера по всему району поднялись хорошие, а государственный план дополнительных посевов зерновых выполнили на 104 процента!

В. ТЕНДЯРЬКОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Новая повесть Ильи Эренбурга

1. Напечатанная в пятой книжке журнала «Знамя» повесть Ильи Эренбурга «Оттепель» оставляет на редкость противоречивое впечатление.

Начнем с того хорошего, что есть в повести. Прежде всего — это искреннее волнение, которое в ней чувствуется там, где речь идет о таких ее героях, как Коротева и Савченко, Соколовский и Вера Григорьевна Шерер, Андрей Иванович Пухов, Лена Журавлева и Соня Пухова. Им уделено в повести немало места, и они в общем являются главными ее героями. О том, как изображены в повести люди, имеющие отношение к искусству, — Володя Пухов, Сабуров и Танечка, — я скажу далее и отдельно.

И Соколовский, и Шерер, и Коротева, и Савченко, и Лена Журавлева, и Соня, и Пухов-старший — люди по-разному и в разной мере, но несомненно, любимые автором. Судьбы этих людей объединены не одной сюжетной, но и более важной связью. На примере их личных судеб писатель хочет изобразить то хорошее и радостное, чего с каждым днем все больше в нашей жизни, что в общесоюзном масштабе выражено во многих решениях и практических мерах, принятых партией и правительством.

Ощущение, что людям становится лучше жить, что у нас на глазах исчезают многие тёмные стороны жизни, присутствует в повести Эренбурга. Рассказывая об этом, писатель в то же время касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни.

Устами старого учителя Андрея Ивановича Пухова Эренбург, например, утверждает, что ни один советский человек просто не имеет права проходить мимо несправедливости или неправды, отворачиваясь от нее, что справедливость будет восстановлена и без него. Нельзя не согласиться со словами, которые Андрей Иванович говорит, споря со своей дочерью: «...общество состоит из живых людей, арифметикой ты ничего не решишь. Мало выработать разумные меры, нужно уметь их выполнять, а за это отвечает каждый человек. Нельзя же сидеть в протоколу «судушалаи» — по-стариковски. От того, как ты будешь жить, работать, от того, какие у тебя будут отношения с людьми, зависит будущее всего общества. Потому ты говоришь с иронией:

«Что может сделать один человек?» Не понимаю...» При этом Андрей Иванович не столько спорит с дочерью, сколько спорит за нее, за ее, в сущности, живую и горящую молодую душу, развитие которой мешают добровольно принятые Соней на себя ложные вериги рассудочности и деланного равнодушия.

Повесть о судьбе главного конструктора завода Соколовского, Эренбург показывает, как у нас еще частично не умеют до конца разглядеть хорошего советского человека за его колючим, угловатым характером, за его анкетой, в которой перестраховщики усматривают какой-то один позитивный, с их точки зрения, пункт. Более того, Эренбург показывает, как плохие люди, ухватившись за этот «пунктик» анкеты, пытаются подменить, в сущности, безукоризненную репутацию такого человека, как Соколовский, и если в конце концов не успевают в этом, то все же как-то время мешают ему жить, работать, приносить пользу обществу. Тема важная, и писатель правильно делает, затрагивая ее.

Рассказывая в повести историю Лены Журавлевой и проблемы, связанные с ней, также заслуживают внимания. Эренбург повествует о том, как молодая женщина, утратившая, еще студенткой вышедшая замуж, постепенно начинает понимать, что ее муж превратился в карьериста, равнодушного к людям и даже готового переступить через их интересы и права ради своей карьеры. Лена Журавлева уходит от мужа, забирает ребенка, начинает самостоятельную жизнь, и писатель утверждает ее право на этот шаг; нравственная деформация Журавлевы разрушила их любовь, семью, и дальнейшая совместная жизнь двух чуждых друг другу людей перестает соответствовать нормам социалистической морали.

Наряду с этим, создавая отрицательный образ Журавлева, озабоченная на посту директора завода, Эренбург закономерно спрашивает: да может ли руководить людьми человек, не любящий их, человек, концентрирующийся исключительно на зарабатывании денег, а не на интересах, то есть на тех, которые не понимающих этих государственных интересах? И отвечает: нет, не может!

И до сих пор говорил о проблемах, которые ставит писатель, изображая своих героев. Что касается самого художественного изображения этих героев, их человеческого облика, то в повести им посвящены наиболее удачные страницы, рассказывающие о любви Соколовского и Шерер, много цельности и душевной чистоты в образе Лены Журавлевой, в истории ее зарождающегося чувства к Коротева, и мысленно ощущаем стремление писателя создать в этом случае образы глубоко симпатичные, поджизненные. Но когда затрагивает повесть, то в гораздо большей степени представляешь себе строй мыслей этих двух людей, чем их характеры, поведение, привычки, даже внешность. А оно без другого терять в силе, и оттого Коротева и Савченко оставляют впечатление бедности.

Соколовский с его замкнутым и колючим характером вызывает у читателя скорее чувство уважения, чем любви. Видимо, просчет автора состоит здесь в том, что человек, который подчеркнуто резко судит чужие поступки и проступки, обычно вызывает больше симпатии в людях, когда и сам в свою очередь не чуждо чувство самокритики и когда он свой нетерпимый характер не считает безусловным благодеянием для окружающих.

С несомненной симпатией написан Эренбургом образ Андрея Ивановича Пухова — старого большевика, учителя, человека тяжело больного, выпяченного на пенсию, но не желающего расстаться с любимой профессией. Устами Пухова в повести говорится немало верных вещей, но живой человеческий облик Пухова явнее возникает за тех страницах, где идет речь о его музеевничной борьбе с бездельем. Чем в тех случаях, когда он общается с людьми. Сильным явля проступком, что человек, который подчеркнуто резко судит чужие поступки и проступки, обычно вызывает больше симпатии в людях, когда и сам в свою очередь не чуждо чувство самокритики и когда он свой нетерпимый характер не считает безусловным благодеянием для окружающих.

К. СИМОНОВ

«Оттепель» — повесть Ильи Эренбурга, опубликованная в журнале «Знамя». Повесть посвящена жизни и творчеству советских людей в послевоенные годы. Автор затрагивает проблемы справедливости, правды, человеческого достоинства. Повесть написана в реалистическом стиле, с глубоким знанием жизни.

Повесть посвящена судьбе главного конструктора завода Соколовского, Эренбург показывает, как у нас еще частично не умеют до конца разглядеть хорошего советского человека за его колючим, угловатым характером, за его анкетой, в которой перестраховщики усматривают какой-то один позитивный, с их точки зрения, пункт. Более того, Эренбург показывает, как плохие люди, ухватившись за этот «пунктик» анкеты, пытаются подменить, в сущности, безукоризненную репутацию такого человека, как Соколовский, и если в конце концов не успевают в этом, то все же как-то время мешают ему жить, работать, приносить пользу обществу. Тема важная, и писатель правильно делает, затрагивая ее.

Рассказывая в повести историю Лены Журавлевой и проблемы, связанные с ней, также заслуживают внимания. Эренбург повествует о том, как молодая женщина, утратившая, еще студенткой вышедшая замуж, постепенно начинает понимать, что ее муж превратился в карьериста, равнодушного к людям и даже готового переступить через их интересы и права ради своей карьеры. Лена Журавлева уходит от мужа, забирает ребенка, начинает самостоятельную жизнь, и писатель утверждает ее право на этот шаг; нравственная деформация Журавлевы разрушила их любовь, семью, и дальнейшая совместная жизнь двух чуждых друг другу людей перестает соответствовать нормам социалистической морали.

Наряду с этим, создавая отрицательный образ Журавлева, озабоченная на посту директора завода, Эренбург закономерно спрашивает: да может ли руководить людьми человек, не любящий их, человек, концентрирующийся исключительно на зарабатывании денег, а не на интересах, то есть на тех, которые не понимающих этих государственных интересах? И отвечает: нет, не может!

И до сих пор говорил о проблемах, которые ставит писатель, изображая своих героев. Что касается самого художественного изображения этих героев, их человеческого облика, то в повести им посвящены наиболее удачные страницы, рассказывающие о любви Соколовского и Шерер, много цельности и душевной чистоты в образе Лены Журавлевой, в истории ее зарождающегося чувства к Коротева, и мысленно ощущаем стремление писателя создать в этом случае образы глубоко симпатичные, поджизненные. Но когда затрагивает повесть, то в гораздо большей степени представляешь себе строй мыслей этих двух людей, чем их характеры, поведение, привычки, даже внешность. А оно без другого терять в силе, и оттого Коротева и Савченко оставляют впечатление бедности.

Почему, вспоминая положительные герои Ильи Эренбурга, вместе с симпатией к ним испытываешь и чувство неудовлетворенности, когда охватываешь взглядом общую картину?

Происходит это потому, что герои Эренбурга, с одной стороны, по ходу дела как будто люди, каких много. С другой стороны, по контексту очень многих высказываний и характеристик, данных в повести, это люди, каких мало, люди, чьи хорошие качества являются редкостью. Детали, создающие это ощущение, расписаны по всей повести, и оно складывается постепенно — не из общей авторской характеристики, а именно из деталей.

Вот Лена, хорошая молодая неглупая женщина. Такой она выглядит в повести. Однако, когда о ней заговаривают другие персонажи, то эти качества начинают приобретать оттенок исключительности, подчеркнутости. «Умная женщина, в Москве такую редко встретишь», — думает о ней Коротева. — «Конечно, здесь меньше трестников, люди больше читают, больше думают. Но Лена — и здесь исключение, чувствуется глубокая натура». Даже если сделать известную скидку на оттенок восхищения перед Леной, который неспешно вытекает из Коротева, все же в сознании читателя остается подчеркнутым и то, что глубокая натура — исключение, и то, что такую умную женщину редко встретишь. В том же плане дает характеристику Лене и Вера Григорьевна Шерер: «Вельюна (Лена) очень честная, мучительно все переживает», — думает Шерер о Лене. Здесь снова подчеркивается ценность человека, как качества особенное, редкое.

Но, может быть, эти детали характерны только для отношения автора и его героев к Лене? Нет. Едва заходит речь о Коротева, как сразу подчеркивается: «Рабочие охотно с ним делились своими мыслями, считали, что он человек честный и не испорченный положением». «Просто здесь мало интересных людей...» — вот один из

доводов, которые приводит Лена, объясняя себе, почему ей интересен Коротева. Примерно таким же образом думает и Шерер о Соколовском: «Она считала Соколовского интеллигентом и порядочным человеком, часто удивлялась: он думает, как я...» Тут в одной фразе содержится не только характеристика, но и самохарактеристика: существуют два интересных и порядочных человека, вдобавок одинаково думающих, в случае тех, которые послужили первоосновой для создания упомянутых персонажей.

Вот Лена, хорошая молодая неглупая женщина. Такой она выглядит в повести. Однако, когда о ней заговаривают другие персонажи, то эти качества начинают приобретать оттенок исключительности, подчеркнутости. «Умная женщина, в Москве такую редко встретишь», — думает о ней Коротева. — «Конечно, здесь меньше трестников, люди больше читают, больше думают. Но Лена — и здесь исключение, чувствуется глубокая натура». Даже если сделать известную скидку на оттенок восхищения перед Леной, который неспешно вытекает из Коротева, все же в сознании читателя остается подчеркнутым и то, что глубокая натура — исключение, и то, что такую умную женщину редко встретишь. В том же плане дает характеристику Лене и Вера Григорьевна Шерер: «Вельюна (Лена) очень честная, мучительно все переживает», — думает Шерер о Лене. Здесь снова подчеркивается ценность человека, как качества особенное, редкое.

«...если написать в Москву о беспорядках, там только поморщатся, скажут: «Журавлев паникует». Люди любят узнавать приятные новости, а когда им подносят вместо меда перец, они сердятся». Слова — люди. Какие люди? — Вообще люди. Вообще «поморщатся», вообще «скажут», вообще «сердятся», когда им говорят правду. А вот Владимир Пухов думает о Соколовском: «Ничего из него не заступится. Обиженных у нас не любят, доверяют только удачникам, вроде Журавлева». Опять все та же безличная общая форма.

Из этих и многих других высказываний героев начинают невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое было чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Вот Коротева думает о своем разговоре с Журавлевым: «Почему я не сказал ему в лицо, что он клеветает? Вероятно, я привык молчать — приспособился к дрянью». А вот Соколовский вспоминает рассказ Пухова о том, что Журавлев хочет его погубить. Соколовский «еще удивился, не вовоеговал, подумал: опять — и тоскливо зену... «Удивить меня трудно: как сказала бы Вера, выработалась иммунитет».

Так люди привычно думают о дурном, как о чем-то почти само собой разумеющемся. Вдобавок к этому в повести то там, то сям, мимоходом, упоминаются уже не люди вообще, а конкретные люди, причем им часто уделена всего одна фраза, свидетельствующая лишь о том, что они по тем или иным признакам плохи. Лена говорит об Андрее Ивановиче Пухове: «Пухов умел подойти в каждую, а у завуча — одна мерка». Через подстрочники о том же завуэ вспоминает Вера Григорьевна Шерер: она говорит себе, что звучит похвал на чеховского человека в футляре. Больше о нем не сказано ни слова. Так же мимоходом говорит фразу и Андрей Иванович Пухов о директоре института: «Шоня и я директор, но вы Степана Александровича знаете — слушает, соглашается и ничего не делает». Вот, собственно, и все, если не считать еще одной подобной фразы о том же директоре на другой странице. Есть где-то другой завуэ, есть в другом месте плохой директор... Вот Володя Пухов думает о том, не пойти ли ему в ресторан, и решает, что не стоит, потому что: «В ресторане «Волга» командирочные уныло глотают биточки, а пьяницы дуят водку пополам с мадерой и орут». А вот Танечка думает о своем отпуске: «Без виду заранее: разговоры о том, что первые котлеты хороши для диетиков; будем собирать червячки грибки; кто-нибудь нашьется и устроит

размышляет о том, что «...если написать в Москву о беспорядках, там только поморщатся, скажут: «Журавлев паникует». Люди любят узнавать приятные новости, а когда им подносят вместо меда перец, они сердятся». Слова — люди. Какие люди? — Вообще люди. Вообще «поморщатся», вообще «скажут», вообще «сердятся», когда им говорят правду. А вот Владимир Пухов думает о Соколовском: «Ничего из него не заступится. Обиженных у нас не любят, доверяют только удачникам, вроде Журавлева». Опять все та же безличная общая форма.

Из этих и многих других высказываний героев начинают невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое было чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Вот Коротева думает о своем разговоре с Журавлевым: «Почему я не сказал ему в лицо, что он клеветает? Вероятно, я привык молчать — приспособился к дрянью». А вот Соколовский вспоминает рассказ Пухова о том, что Журавлев хочет его погубить. Соколовский «еще удивился, не вовоеговал, подумал: опять — и тоскливо зену... «Удивить меня трудно: как сказала бы Вера, выработалась иммунитет».

ВЫШЕ УРОВЕНЬ ИДЕИНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Каково состояние идейно-воспитательной работы в организации писателей Ленинграда? Этот вопрос на днях обсуждался на заседании бюро обкома КПСС, а затем на партийном собрании писателей.

В решении, принятом бюро Ленинградского обкома, отмечается, что ленинградские писатели добились некоторых успехов в борьбе за высокую идейность литературы. Литературно-ленинградцы создали немало талантливых произведений, завоевавших признание читателей. Однако за последнее время в партийной организации ленинградских писателей заметно снизился уровень идеологической работы, а это привело к ослаблению партийного влияния во всех звеньях писательской организации.

Ослабление идеологической работы, как подчеркивается в постановлении, особенно заметно сейчас, когда делается попытка повернуть ревики основные принципы социалистического реализма и появлялись отдельные произведения, авторы которых под видом критики наших недостатков и борьбы с загнивающей и бесхозяйственной клеветой на советскую действительность.

Выступая с докладом на партийном собрании писателей, секретарь партийного бюро Н. Луговцов признал, что постановление бюро обкома вскрывает серьезные недостатки и промахи в идейно-воспитательной работе среди писателей.

Только в обстановке ослабления идеологической работы в ленинградской писательской организации могли иметь место вредные выступления М. Зощенко, показавшие, что он до сих пор не понял смысла и значения постановлений Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград». Только благодаря беззаботному отношению партийного бюро к идеологическим вопросам в Ленинградском отделении ЦСП могли поощряться рукописи двусмысленных сказок Д. Дара и идейно-порочная пьеса А. Хазина «Второе свидание».

Н. Луговцов напомнил собранию, что обсуждение рукописей и новых книг в большинстве случаев проводилось в творческих секциях и на заседаниях бюро пристрастно без должной принципиальности. Нередко члены секций, в том числе и коммунисты, уклонялись от оценки того или иного произведения под предлогом, что еще не читали его.

Известны случаи и завышения отдельных произведений, например, нового романа В. Пановой «Времена года». Когда же в романе появилась статья В. Кочетова, то некоторые писатели, и в частности, В. Кетлинская, усмотрели в этом чуть ли не желание списать В. Панову с корабля большой советской литературы. Подобные попытки представить борьбу за высокую принципиальность советской литературы, как «справку» писателя или списывание его «в тираж», наносят большой вред.

Серьезно отстает от запросов жизни ленинградские критики и литературоведы, многие из них не участвуют в борьбе против идеологических извращений в литературе, занимают выжидательную позицию, а отдельные (например, Л. Плоткин) пытаются даже защищать некоторые ошибочные положения.

Равнодушно проходила партийная организация и мимо фактов аморального поведения, пьянства в писательской среде. Серьезная перестройка идейно-воспитательной работы в писательской организации Ленинграда требует усиления партийного влияния в творческих секциях, улучшения работы с молодыми писателями, создания полновесной творческой обстановки во всех звеньях союза.

Одной из форм воспитательной работы с писателями должны стать творческие

председательские дискуссии. Они, сказал Н. Луговцов, помогут развернуть в среде писателей плодотворную, нелицеприятную критику и самокритику, ликвидировать кулуарную критику «на ухо», малопользительное дискутирование салонного типа. Говоря о необходимости проведения творческих дискуссий, докладчик отметил, что ни секретариат Союза советских писателей СССР, ни «Литературная газета» не активизировали по-настоящему председательскую работу.

Коммунисты, выступавшие в прениях по докладу, отмечали важность и своевременность решения бюро Ленинградского обкома КПСС, которое поможет писательской организации Ленинграда повысить в председательский период уровень идейно-воспитательной работы, усилить борьбу с идеологическими извращениями в литературе.

И. Ойфа говорил о работе с молодыми писателями. Воспитание молодежи полностью передано комиссии по работе с молодыми. Мы, по существу, не знаем наших молодых товарищей, не заботимся о формировании их взглядов, вкусов.

А. Чепуров отметил, что комиссия по работе с молодыми оторвана от секретариата. Ослаблено внимание к молодым писателям в обкоме и горкоме комсомола. Комсомольская газета «Смена» часто печатает на своих страницах произведения молодых авторов, но в газете нет статей, помогающих воспитывать литературную молодежь. Серьезным недостатком А. Чепуров считает закрытие в Ленинграде отделения издательства «Молодая гвардия».

Идейно-воспитательная работа, — сказал А. Чивилихин, — сложный и непрерывный процесс. В практике работы партийного бюро есть много хорошего, но были здесь и элементы нечеткости, деловая, узкая практицизм.

А. Чивилихин полемизировал против командного тона некоторых литературно-критических статей. Однако А. Чивилихин прямо не сказал, какие статьи он имеет в виду, и участники собрания упрекали его в неясности, туманности формулировок.

П. Капица критиковал работу членов партбюро за то, что они редко выступали со своим единым мнением, не высказывали его на секретариате, на заседаниях секций.

Этот вопрос также затронул Г. Миронченко. Он подчеркнул, что партийная организация союза должна стать руководящей и авторитетной идеологической силой, сплоченной и единой. Ряд замечаний оратор высказал в адрес «Литературной газеты» и «Ленинградской правды».

М. Подольский отметил, что элементы канцелярского стиля сильны не только в работе секретариата отделения ЦСП, но и в секциях (особенно секции прозы). Секретариату, говоря образным языком, нужно иметь свою «электрифицированную карту», где бы отражалась творческая жизнь каждого ленинградского писателя. Но для этого следует чутко, внимательно изучать работу писателей, всесторонне ею интересоваться.

Е. Миняковский присоединился к тем, кто говорил, что идейно-воспитательная работа в секциях слабо связана с творческой жизнью писателей. При обсуждении новых произведений на секции драматургов не чувствуют ни духа высокой партийности, ни глубины.

Резко критиковал А. Дымниц секцию переводчиков за «академически-салонный дух». Надо активизировать членов этой секции, привлечь молодых переводчиков к работе над текстами писателей братских советских республик и стран народной демократии.

В. Кетлинская, отметив в начале своего выступления важное значение постановления бюро обкома КПСС для жизни писательской организации Ленинграда, не согласилась, однако, с обвинением в том, что на предыдущем собрании писателей она пыталась увести организацию от обсуждения серьезных идейно-творческих вопросов. Касаясь нового романа В. Пановой, В. Кетлинская сказала, что не является поклонницей метода Пановой, но Панова, по ее мнению, стремится преодолеть элемент объективизма в своем творчестве. Подостережение здесь не достигнет цели.

Д. Левинский, взяв слово в адрес В. Кетлинской, сказал, что манера ее выступления не свидетельствует о единстве наших рядов. Вместе с признанием правильности критики в свой адрес, В. Кетлинская пытается ее частично опровергнуть, ошибки своей не признает.

А. Черненко критиковал работу В. Кетлинской в резолюции «Ленинградского альманаха».

Секретарь Дзержинского райкома КПСС В. Кирсанова сказала: — Надо надеяться, что писатели-коммунисты практически, на деле докажут готовность исправить серьезные недостатки в работе парторганизации. Коммунисты были правы, когда говорили, что в работе отделения Союза писателей руководящая, организующая роль партбюро не чувствовалась.

В. Кирсанова подвергла критике А. Чивилихина, как одного из ответственных руководителей Ленинградского отделения ЦСП, за неконкретную, не содержащую деловых предложений речь. В. Кирсанова упрекнула В. Кетлинскую в стремлении перебить среди писателей рознь.

Выступление В. Кетлинской критиковал также А. Решетов. Он полемизировал со статьями по вопросам поэзии А. Тарасенко и Д. Максимова, напечатанными в «Литературной газете».

«Не все товарищи еще поняли», — сказал В. Кочетов, — что постановление бюро обкома относится не только к нашему партийному бюро. Оно — руководство для всего Ленинградского отделения Союза писателей. Как показала практика, в повседневной, будничной работе некоторые члены секретариата растерялись. Им надо помочь обдумать, как лучше расставить силы в секциях.

Касаясь критики романа В. Пановой, В. Кочетов сказал, что цель этой критики — не вычеркнуть талантливого писателя из литературы (что невозможно), а отстоять магистральную линию советской литературы. Нельзя преуменьшать влияния Пановой на молодых авторов. В журналы сейчас приносит много рассказов «объективистского» типа. Нужно отстаивать линию партийной, идейной, тенденциозной литературы. Главное, сказал Кочетов, чтобы Панова поняла принципиальную суть вопроса. Мы уверены, что это произойдет и благоприятно скажется в творчестве Пановой.

Постановление бюро обкома КПСС обязывает нас ответить на заботу партии новыми книгами, новыми хорошо продуманными мерами, помогающими улучшить идейно-воспитательную работу среди писателей. Одно из таких мероприятий — предстоящая в сентябре дискуссия о положительном герое советской литературы.

Собрание приняло решение, в котором указывается, что постановление бюро обкома партии оказало большую помощь писательской организации.

Собрание обязало каждого литератора-коммуниста активно бороться за партийность литературы, неустанно пропагандировать постановления Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

БЕЗ ЯРКИХ ОБРАЗОВ

Вану первой мировой войны. Отголоски нового революционного подъема все яснее доносится в губернский город Горьковск. Лучшее из юной и думящей молодежи: служить революции — их долг, их личное счастье.

Принять участие в рабочем движении, приблизиться к марксизму было для людей того времени редкостью, за которую они часто платили дорого — ценой свободы или жизни. Оттого-то, раскрывая повесть Д. Рельского «Заре навстречу» — первую книгу начинающего писателя, — надеясь встретиться с яркими, творческими, многогранными характерами.

Сурово обилась жизнь с Эрнстом Кальминым, студентом-латыном, заброшенным в глушь России. Вокруг все неприятно и чудно. Исключений из землемерного уклада, он остается без денег и без работы. Но Эрнст продолжает бороться. Он находит себя в работе революционером-подпольщика.

Но своему приходит в революцию Женя — девушка-сирота, воспитанница капризной и забавлившей губернской барыньки. Сложные побуждения приводят ее на трудный путь подпольщины: и первая любовь, и память о погибшем отце, и воспоминания о пережитых унижениях, и, главное, растущее чувство обиды за тысячи подобных ей юной и девушек. Конспиративная работа привлекает ее сначала, быть может, только внешней романтикой. По основной смысл работы становится ей все яснее и яснее.

Жаль, что и Кальмину и Жене отведено в повести мало места, что характеры их не развиты. Правда, писатель относится к ним по-дружески тепло. Но нет-нет, и прикасается к его теплоте немного снисходительности и покровительственного превосходства: они, мол, еще только растут, слишком часто увлекаются; а вот Ракитин — главный герой книги — уж он-то непогрешим, он — образец поведения.

...Ракитин полюбил. Он не радуется, не печалится, не волнуется. «Начну», — решает он, — с художественной литературы, пусть узнает вначале, что кошмар боеспания не только се вал в тень, но висит над всеми. покажу ей отвратительное лицо современного общественного порядка, а потом увлекательные образы борцов против этого порядка». Пани, что и говорить, благодарный, серьезный. Но уж очень скучна любовь, которая укладывается с самого начала в строго очерченные пределы «плана воспитания» любимой девушки.

Важкое проявление чувств оказывается с точки зрения Ракитина чем-то почти предсудительным. Трудно не возмутиться, когда выстраивают налицо рабочее, оскорбляют женщину, со двора крестьянина увозят последнюю коровку. Но Ракитин начинает укорять себя за то, что «предлагает бурным выражениями чувства ненависти свои столкновения с фактами угнетения... Нет, бурное чувство надо перенести в последовательную революционную мысль и в производное неустанное действие». Писатель неправ, запрещая Ракитину откликаться негодованием на «факты угнетения», и, по сути дела, противопоставляя «бурное чувство» «революционной мысли». Его герой оказывается человеком холодным, черствым.

Стоит Ракитину переступить порог крестьянской избы, как он обращается к «ужасам» с речью: «...Капитализм прогрессивнее крепостничества. Субъективно осуждаю конкретную его жестокость, но надо понять неизбежность такого хода развития, учесть усиление столкновения классового расслоения и обострения классовой борьбы в деревне».

Субъективно... Прогрессивно... Конкретно... Трудно поверить, что сколько-нибудь чуткий агитатор мог таким языком говорить с крестьянами. Думается, Ракитин на самом деле оказывается человеком холодным, черствым.

Д. Рельский, Заре навстречу. Ставрополь. Крайндат. 301 стр.

Вану прерывает себя в том, что в его руках «было много чувств и мало логической доказательности». Ни чувства, ни логической доказательности в них нет: это сухие декларации, в которых выражены довольно абстрактные истины. Говорит же правильно, но общие слова — еще не значит быть положительным героем.

Впрочем, в речах Ракитина далеко не все и правильно. Повесть, к примеру, открывается такой сценой: во время спора один из одноклассников Ракитина — мещанин, эгоист и циник — мимолодом упоминает Писарева. «...В голосе Ракитина промелькнула нотка раздражения».

— В слабости Писарева, в Писарева — проповеднике мелких практических дел — можно найти оправдание собственного карьеризма и дельничества, — сурово бросил он...» Право же, напрасно Ракитин отмахивается от Писарева столь пренебрежительно. Никогда не ограничивал деятельности передовых людей мелкими практическими делами великий критик, русский революционер-демократ.

Кстати сказать, реплика о Писарева неожиданно подсказывает повод для полемики между старописьательскими газетами «Молодой ленинец» и «Ставропольская правда». Молодежная газета попыталась было выступить за Писарева, указать писателю на его ошибку. К сожалению, газета, вместо разбора книги, взяла из нее одну фразу, за которую Д. Рельский был обвинен чуть ли не в злонамеренном посятельстве на русскую революционную демократию.

Вероятно, надо было поправить молодежную газету за то, что она, критикуя одну фразу из книги Д. Рельского, уклонилась от подробного разбора повести. Но «Ставропольская правда» выступила с весьма странной защитой писателя, ошибочно пытаясь доказать, что в сцене о Писарева все правильно. На самом деле следовало указать писателю, что и из разговора персонажей у читателей может сложиться неверное представление о предмете их спора. И вводя спор о Писарева, надо было более четко и ясно дать понять действительную сущность его взглядов.

Отрицательные герои повести обладают всеми качествами, которыми испокон веков положено наделять всякого отрицательного героя: они обжорстуют, лицемерят, берут взятку, лгут, пинуют носом, обижают вдов и сирот, и т. п. Обо всем этом рассказано наглядно и примитивно. Образы-штампы не могут пробудить в нас ни ненависти, ни презрения.

«Ракитин», — говорится в повести, — старался найти в деревенском быту вопросы, близкие к вопросам рабочей среды — к борьбе против непосредственной эксплуатации, зацепившись за которые можно поднять борьбу деревни на политическую высоту». Большая часть книги написана подобным слогом.

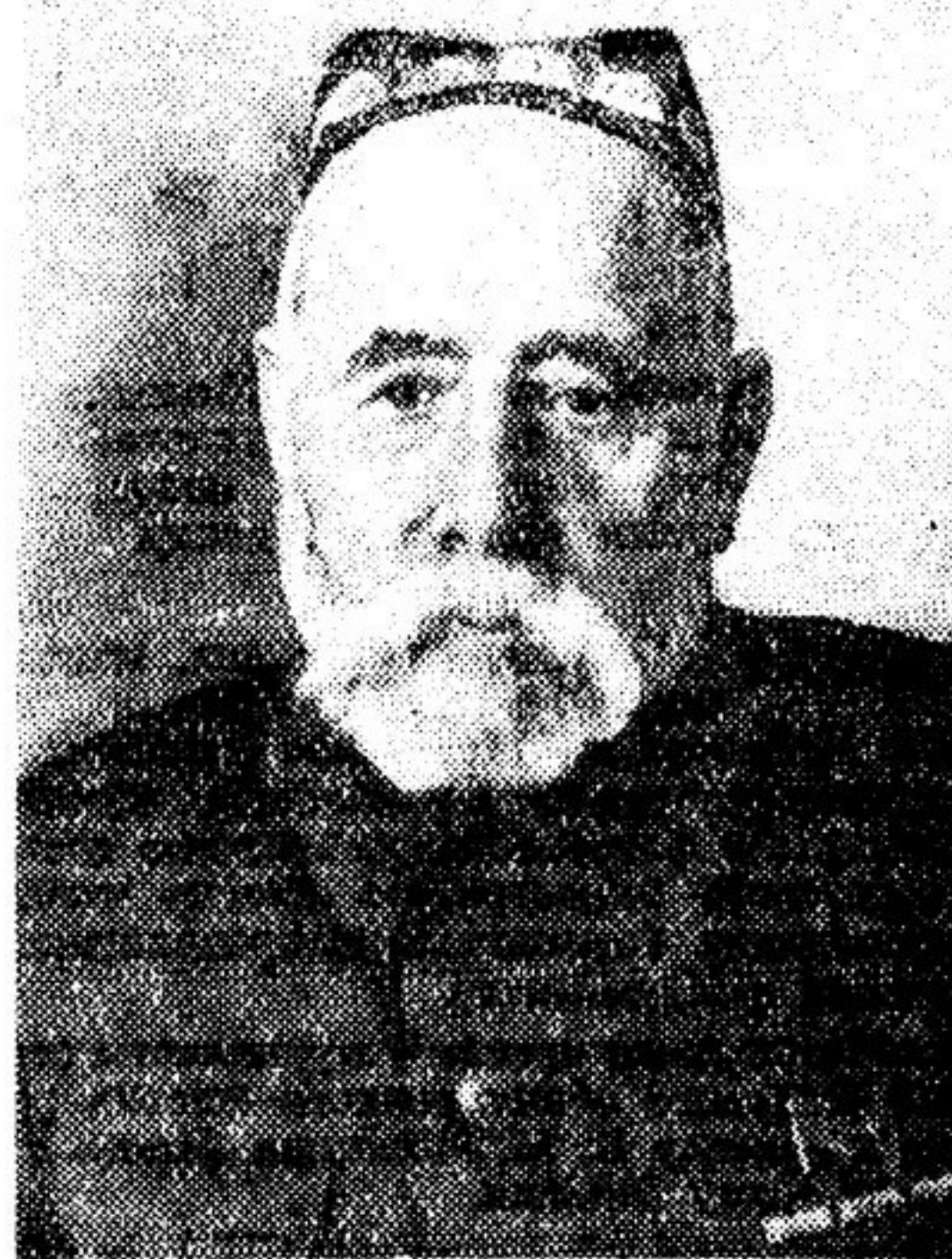
Говорят герои повести удручающе одинаково — измученно, благообразно, но как-то не по-людски кудряво. Ни герой, ни автор не скажут: «поцеловаться», «пожениться», «пришли пожалуйста». Нет, они склонны говорить торжественнее: «он решил оформить свое предложение Юле...», «женитьбой она полностью оформила внешнюю сторону своей жизни», «и губы их слились в поцелуй», «смена в эти дни... поехала из полицейского участка».

На все же остальные случаи жизни найдется слова, издана пользовавшиеся немалым почетом в беллетристике средней руки: «сердце его тоскливо сжималось», «что-то печально-нежное шевельнулось в сердце», «сменяемая жалость сжимала сердце...».

Нет, нельзя считать первую повесть Д. Рельского удачей. И много, много предстоит работать ему прежде, нежели он сможет внести в литературу свой вклад, — пусть даже скромный.

В. ТУРБИН

Садриддин Айни



Наша многонациональная советская литература понесла тяжелую утрату — умер основоположник таджикской советской литературы, выдающийся ученый и общественный деятель, президент Академии наук Таджикской ССР, член правления Союза советских писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии Садриддин Айни.

Славный жизненный путь прошел Садриддин Саидмуратович Айни. Он родился 15 апреля 1878 г. в кишлаке Сократе, Гиждуванского района, Бухарской области, в крестьянской семье. В условиях бухарского ханства Садриддин Айни пришлось преодолеть на пути к образованию необычайные трудности.

Начало творческого пути Айни относится к 1894 году. Своим пером Айни смело боролся против бухарского эмирата, за что неоднократно подвергался арестам и гонениям.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие просторы для его творческой и общественной деятельности. В первые же годы советской власти Айни создал ряд революционных маршей и песен, которые сразу прижились ему популярны в народе. В него замечательные повести и романы — «Бухарские палачи», «Дохуда», «Рабы», «Смерть ростовщика» — давшая широкая эпическая картина жизни и борьбы таджикского и узбекского народов на протяжении более ста лет, показано осуществление вековой мечты и стремлений этих народов в годы советской власти.

С 1949 г. Айни публикует свое новое многогранное произведение «Бухара», являющееся самым выдающимся достижением послевоенной таджикской литературы. Первая и вторая части «Бухары» удостоены Сталинской премии.

В своем творчестве Айни талантливо сочетал лучшие традиции классической литературы с новаторством, с передовыми идеями коммунизма. Великого Горького он называл своим первым и лучшим учителем.

Подготовленную литературную работу Садриддин Айни совещал с большой научной и общественной деятельностью. Составленным им трехтомный труд «Антология таджикской литературы» заложил основы таджикского советского литературоведения.

Произведения Айни, переведенные на русский и другие языки народов СССР, стали достоянием миллионов читателей.

Советское правительство высоко оценило заслуги Садриддина Айни перед Родиной, наградив его тремя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Славная жизнь и творчество Садриддина Айни навсегда останутся в нашей памяти.

В. Ажаев, Н. Асеев, М. Бажан, П. Бровка, А. Венцова, С. Вургул, Ф. Глазков, Н. Грибачев, Гафур Гулям, В. Ермилов, Н. Зарьян, А. Караваев, В. Катаев, В. Кореньков, А. Корнейчук, Л. Леонов, Г. Леонидов, С. Маршак, Ф. Панферов, Н. Подолкин, Б. Полевой, А. Перенцев, М. Рылский, К. Симонов, Л. Соболев, А. Софоров, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, А. Радеев, К. Федин, М. Шолохов, С. Шпагин, И. Эренбург, Д. Есенин, С. Есенин, П. Скулачев, Л. Каймович, С. Липкин, П. Лукицкий.

сканда, все начнут это пережевывать...».

Я привел все это не для того, чтобы утверждать: так в жизни не бывает. Могут и пьяницы пить в ресторане мадеру пополам с водкой; могут и отдыхающие пережевывать слезы; может быть и плохой звук и дурной директор; может и Соколовскому, несколько раз сталкивавшемуся с клеветой, показаться, что у него выработался против нее иммунитет... Нет, нужно спорить против каждой детали, но против всего вместе влязает не спорить нельзя. Эти детали в своей сумме создают в повести какой-то унылый фон.

Получается, что хотя хоронили людем напрямую на сцене противопоставлен один Журавлев, но за сценой картина меняется: там дурных людей так много, что к ним привыкаешь. И когда в одной и той же повести привычность и обыденность всего дурного подчеркиваются так же настойчиво, как «необыкновенность» старика Пухова и других положительных героев, то становится непонятным, откуда же, по мнению автора, берется все то хорошее, что происходит в нашей жизни, кем это делается — людьми, громадным большинством народа или возникает само собой, без участия людей сваливаясь с неба?

Приводя примеры поверхностного изображения в литературе трудностей и борьбы с ними, мне уже приходилось упомянуть о многих страницах романа Бабаевского «Свет над землей», в особенности последние его части. Право же, по сравнению с приведенной цитатой из «Оттепели» любовь, самая неудачная страница «Света над землей» покажется остро конфликтной и глубоко содержательной. Мне могут возражать, что Антонина Павлова — не главная героиня повести Эренбурга и что восстановление холмоза «Красный путь» — не главное содержание повести. Да, это так. Но это несколько не оправдывает писателя, которого никто не принуждал рассказывать в художественном произведении о больших и серьезных вещах скоростворкой, смазывавшей на паровозе. В таких случаях, как этот, вполне закономерно поставить перед любым из нас — писателем — следующую дилемму: или, выходя в произведении человека, по внешне замыслу, хорошего и значительного, не покажете для его изображения сил и мастерства, или не срамите его, не мельчите, выводя и без должного знания его жизни и характера и без должной затраты своего труда и таланта. Между тем, в повести скоростворкой изображается не только деятельность Антонины Павловой как председателицы холмоза; с той же полнотой обрисовывается и духовный облик Антонины Павловны, во всяком слу-

чае такой, каким он представляется ее дочери Лене. После того, как Антонина Павлова накричала на Лену, когда та впервые призналась в охлаждении к мужу, «Лена долго себя ругала; как можно с малой отороченностью? Она замечательная женщина. Нольше таких, и мы быстро коммунизм построим. Но в чувствах она ничего не понимает, не хочет понимать. Может быть, и права — не время...»

Удивительно звучит эта словесная уст Лены характеристика матери как замечательной женщины, ничего не понимающей в чувствах, но, очевидно, именно в силу этого способной к особенной быстроте построит коммунизм.

Должно быть, винов все та же скоростворка, ибо ведь не думает же автор, что эпоха великих социальных дел может не быть эпохой глубоких человеческих чувств?

Приведу еще один пример. В шестой главе беседует Соколовский и Егоров; речь идет о самых важных вещах: «Соколовский улыбаясь: «Журавлева, по моему, скоро снимут». Егоров ответил: «Владычица покаяла головой: «Ничего не сказала. Но убежден...» И последнее постановление два раза прочитай. Все абсолютно правильно, насчет обуи, кастры! Хотят, чтобы люди жили...» Егоров растерялся: «Евгений Владимирович, какая же связь?» Соколовский ответил: «Одно вытекает из другого». И больше ничего не сказал».

Здесь дело обстоит благополучно, чем в истории с Антониной Павловой и Леной; когда перечитаешь это место несколько раз, то становишься ленин: автор читает устами Соколовского сказать, что Журавлева, человека, не любящего людей, рано или поздно снимут и что эту мысль подкашивает постановление ЦК. Но ведь писатель — не стенографистка, но долгу службы записывающая высказывания людей с полной точностью, даже когда они говорят конспиративно и потом, читая стенограмму, иногда сами удивляются тем словам, в которые они облекли свои вразумленные им языком мысли.

Сравнивая же: зачем писателю понадобилось в уста Соколовского, человека умного и в других случаях не конспиративного, вкладывать стенограмму высказывания дождебительно настроенной, но, очевидно, не особенно развитой домашней хозяйки: «Я последнее постановление два раза прочитай...» Все абсолютно правильно — насчет обуи, кастры. Хотят, чтобы люди жили. Это место в устах Соколовского отзвучивает нарочитой примитивизацией больших и важных вещей. С точки же зрения

художественной, по-моему, здесь следует говорить о потере вкуса.

Разбирая произведение, нельзя забывать о манере и почерке автора, о его принципах анализа душевного состояния героев. Для Эренбурга издана характерен прием быстрого и острого психологического ритма, когда он как бы изображает без сменяющих друг друга мыслей своего героя, внешне разрозненных, а внутренне связанных. Но в «Оттепели» автор даже в применении своего излюбленного приема часто оказывается не на высоте. Художественное восхождение цены мыслительного героя то и дело заменяется как бы необработанной записью их, которую не столько читаешь, сколько расшифровываешь. Приведу только один характерный пример (а их немало). Вот как Коротев, после выступления на читательской конференции, думает о Лене: «Наверно, Лена теперь спрашивает себя: кто же представляет собой Коротев? Бюрократ? Жалкий лгунишка? Ведь кто-то, а она догадывается. Женщины разбираются в этом куда лучше. И Натане не релался сказать чут ли не до конца, а она мне потом рассказывала: «Я еще на Соже заметила. Поминишь, бомбила, а ты обязательно хотел побыть...» Я, может быть, разбираюсь в станках, но с чувствами плохо... Конечно, Лена теперь надо мной издевается».

Помимо того, что здесь снова станики противопоставляются чувствам и намекается, что человек, разбирающийся в одном, плохо разбирается в другом, — весь этот абзац так безжалостно, намертво раздроблен на куски, что никак не может вписаться в наше сознание в живую, естественный ход человеческих мыслей.

Можно было бы упомянуть примеры подобного рода. Далекая от художественности отрывочная протокольная запись характера для многих страниц «Оттепели» — произведения, где беглость и поверхностность наблюдений самым разнородным образом оказались не только на одной идейной стороне, но с не меньшей отрицательной силой и на стороне художественной. А в итоге перед нами повесть, которая, на мой взгляд, много слабее всего, что создал Илья Эренбург за последние полтора десятилетия своей работы в литературе.

4. Я намеренно не останавливался до сих пор сколько-нибудь подробно на таких персонажах повести Эренбурга, как сын Андрея Ивановича Пухова — художник Владимир Пухов, его школьный товарищ художник Сабуров и актриса Танечка. И эти персонажи и та картина состояния нашего искусства, ко-

торую Эренбург пытается дать в повести, заслуживают отдельного разбора.

Если общая картина жизни, которую дает Эренбург в «Оттепели», как я уже говорил, вызывает противоречивые чувства, иногда симпатии, иногда недоумения, если общий унылый фон вступает у него в противоречие с подчеркнутыми светлыми пятнами облюбованных им героев, если так — иногда соглашаешься с автором, а иногда споришь, — то здесь при оценке того, как изображает Эренбург наше искусство, я, читая повесть, никаких противоречивых чувств не испытываю. В повести дана окариатурная картина жизни нашего искусства, причем и выводы, к которым приходит Эренбург, и положительные идеалы, которые он выдвигает, не вызывают никакого желания с ними соглашаться. Вопрос достаточно серьезный. Писательский и общественный авторитет Илья Эренбурга, завоеванный его лучшими книгами, прекрасной публицистикой и его выдающейся общественной деятельностью, велик, и поэтому, когда такой писатель и общественный деятель в своем произведении дает неверную оценку нашего искусства и пропагандирует неверные взгляды на пути его развития, то людям, глядящим на эти вопросы иначе, чем И. Эренбург, очевидно, следует высказать свою точку зрения с той же категоричностью, с какой она высказана в «Оттепели».

Однако, прежде чем приступать к анализу этой стороны повести Эренбурга, я хочу остановиться на одной особенности, свойственной автору. В «Оттепели» Эренбург очень редко прибегает к характеристике героев в авторской речи. Чаще всего его персонажи характеризуют друг друга. Эти характеристики на страницах повести Эренбурга вступают в спор между собой, в результате чего и высказывается авторское отношение к ним. Кроме того, для Эренбурга типичен прием разрозненных характеристик героев в их внутренних монологах. В «Оттепели» этот художественный прием является основным. Владимир Пухов, человек, не лишенный способностей, но хегагурившийся, циничски считающий, что в современных условиях говорить о любви к искусству бессмысленно, а заниматься подлинным искусством невозможно, на протяжении всей повести беспрерывно саморазоблачается и со сладострастием обливает грязью все наше искусство. На протяжении повести он настойчиво подчеркивает, что таких, как он, много, что объективные условия развития искусства у нас неизбежно создают таких, как он, что либо надо халтурить, либо, подобно художнику Сабурову, лишиться

всех средств к существованию и перейти на иждивение жены, писать свои шедевры в обстановке неприязни и нищеты. Такая система взглядов, высказываний и самохарактеристик Владимира Пухова, развращающая в повести. Следует напомнить, что автор повести — превосходный поэмист и, когда он желает опровергнуть точку зрения одного персонажа, он сразу же вкладывает в уста другого достаточно убедительные возражения, за которыми стоит и точка зрения автора. Достаточно вспомнить спор Андрея Ивановича Пухова с Соней, который я уже привел. Можно вспомнить и немало других мест. Однако с Владимиром Пуховым на страницах повести другие персонажи полемизируют только по поводу его общих моральных правил, но нигде не спорят с ним о его взглядах на искусство. Я не собираюсь утверждать, что Эренбург подписывается под каждым словом, сказанным Пуховым, но если в «Дне второму» циник и отщепенец Володя Сайфонов в конечном итоге казнится автором, то в «Оттепели» Владимир Пухов, при всех своих неясных автору поступках, характеризующих его, как халтурщика, в то же время по всему контексту повести — жертва; жертва положения, которое, по мнению автора, якобы сложилось в нашем искусстве. Это и позволяет автору в конечном итоге отнестись к Пухову примирительно.

Позиция автора несколько не становится менее явной и доказуемой от того, что она выражена не напрямую в авторских характеристиках или отступлениях, а при помощи введения образа Пухова со всей системой его мыслей, высказываний, характеристик. Автор не на стороне Владимира Пухова, но автор в общем на стороне тех характеристик, которые дает Пухов всему нашему искусству в целом, ибо, на взгляд автора, в данном случае устами циничного, но умного и наблюдательного человека чаще всего глаголет истина. И хотя все, что сказано по этому поводу в повести, сказано устами Пухова, это не лишает нас права судить взгляды автора.

Стать на противоложную точку зрения и сказать, что раз автор не говорит этих вещей — значит, то нельзя судить о его позиции — значило бы, например, вполне отказаться от оценки взглядов автора в таком роде литературы, как драматургия, где, формально говоря, писатель непосредственно не принадлежит ничему, кроме режиссуры.

(Окончание в следующем номере.)



ЖЕНЕВСКИЙ ДНЕВНИК

8 июля Было около шести часов утра, когда самолет с красной звездой сделал плавный полет над Женевским озером и, проехав по бетонной дорожке, погрузился в здание вокзала. Несмотря на ранний час, здесь собралось множество людей — дипломатов, журналистов, наблюдателей. Встретили первого заместителя Председателя Совета Министров и Министра иностранных дел СССР тов. В. М. Молотова.

Поспешив в машину, В. М. Молотов сел в машину, а журналисты помчались к телефону, телеграммам и на телеграф, чтобы сообщить всему миру важную новость: руководитель советской делегации первым прибыл в Женеву.

9 июля Со вчерашнего дня, когда радио и газеты сообщили о дне, часе и подробности прибытия В. М. Молотова на Женевское совещание, сюда снова начинают десятками стекаться журналисты, комментаторы, обозреватели, хроникеры и фоторепортеры со всего света. Присутствие в Женеве советского министра, по общему мнению, предвещает начало завершающих переговоров о прекращении огня и восстановлении мира в Индо-Китае.

В «Мэзон де ля пресс» * журналисты всех политических направлений мирового общественного мнения проявляют огромный интерес к приезду В. М. Молотова. Много говорят и о предстоящем приезде Чжоу Энь-лая.

Государственный секретарь США не собирается возвращаться в Женеву. По этому поводу в журналистских кругах иронизируют: ведь американцы всегда были против встречи «Большой пятёрки». Что же, в Женеве состоится конференция «Большой четвёрки», но без участия... Соединенных Штатов! И в самом деле, США занимают крайне шаткую позицию.

После почти трех месяцев Женевского совещания, после англо-китайских переговоров и обмена торговыми делегациями, после встречи в Берне новостного премьера Франции с премьером народного Китая, после совместного выступления в пользу мира премьеров Китая и Индии надо было не в ладу с реальной действительностью, чтобы вести себя так, как ведут некоторые политики-республиканцы из Вашингтона!

Мой хороший знакомый, весьма остроумный и живой француз, очень образно охарактеризовал мне политику Вашингтона: — Американцы оказались у разбитого корыта, а теперь вопят, что будут стоять около него до тех пор, пока мы не перестанем «заигрывать» с русскими и китайцами. Но что мы можем сделать, если русские и китайцы составляют треть человечества?

10 июля На рельефной карте Женевы сейчас имеются два различных полюса истории, которые символизируются резиденциями двух делегаций. Первая расположена внизу, в долине, в отеле «Рона», куда мало кто ходит, если не считать все более пассивных бабодевцев. Это — резиденция делегации Соединенных Штатов. В то же время вилла, находящаяся на высоком зеленом холме, над «Палас де насьон», пользуется огромной популярностью. Здесь всегда царит оживленное движение: то и дело в ворота въезжают и выезжают автомашины, прохаживают люди, тархатят почтовые мотоциклы. Вилла эта — резиденция одного из председателей конференции — В. М. Молотова.

«В течение всех этих дней, которые предшествовали возобновлению заседаний с участием высших государственных представителей великих держав, — с уважением пишет «Газетт де Лозанн», — каждый деятель, едва только он прибыл в Женеву, стремится как можно скорее познакомиться с господином Молотовым. Это указывает на огромную роль, которую играет на нашей конференции советская дипломатия».

12 июля По общему здесь мнению, двенадцатая неделя Женевского совещания должна стать решающей.

Мне довелось сегодня встретиться с известной французской журналисткой, г-жей Женевьева Табуи. Я спросил ее:

— Как вы полагаете — действительно ли все складывается так благоприятно?

Она живо ответила:

— О, да!

Тогда я напомнил ей, что пять недель назад, когда она уезжала из Женевы, ее пессимизм достигал предела. М-м Табуи усмехнулась:

— Да, верно! Но ведь тогда еще был месье Бидо...

В полдень на аэродроме собралась огромная толпа людей, встречающих премьера народного Китая, главу китайской делегации Чжоу Энь-лая. Кинооператоры, фото- и радиорепортеры, хроникеры, обозреватели тесным кольцом окружили почетный караул и место, где стояли дипломаты.

В. М. Молотов, Чжоу Энь-лай и специальный представитель премьера Индии Кришна Менион стояли рядом, улыбаясь и беседуя. В этот момент кто-то из французских журналистов осторожно прошептал за моей спиной:

— Сердечная встреча одного миллиарда двухсот миллионов людей земли!

В 9 часов вечера новый секретарь по печати французской делегации совершенно неожиданно созвал пресс-конференцию.

Имею честь сообщить вам, господа, — заявил он, — что государственный секретарь Соединенных Штатов мистер Даллес вылетел в Париж. Он встретится там завтра с премьер-министром г-ном Мендес-Франком и г-ном Иденом.

* Дом прессы.

Однако! Не выдержал все-таки мистер Даллес, вылез из своей вашигтонской кельи, страшно обеспокоенный все крупнейшей надеждой на успешное урегулирование в Индо-Китае...

13 июля В тот самый день, когда Даллес вылетел в Париж, а Мендес-Франк после своего длительного разговора с Чжоу Энь-лаем выехал вместе с Иденом на переговоры с американским государственным секретарем, в Женеве состоялась первая встреча между представителями Демократической Республики Вьетнам и представителем бабодевского правительства.

Для каждого внимательного наблюдателя в Женеве видно, куда были направлены усилия американской делегации на Женевской конференции. Эти усилия сконцентрировались на том, чтобы в зале заседаний никто ни с кем не мог вести непосредственных переговоров. Американцы добились того, чтобы ни в коем случае не было бесед англичан с китайцами, китайцев с французами, французских с вьетнамцами и, наконец, вьетнамцев с китайцами. Все это достаточно ясно говорит — усилия США были направлены на создание помех разрядке международной напряженности, на создание невозможности восстановления мира в Индо-Китае. Не вышло!

И, как это атмосфера взаимопонимания, установившаяся в Женеве, действительно, очень нездоровая для любого противника мира. Потому-то в Вашингтоне ищут иные места для поездок...

14 июля Сегодня с утра начали поступать из Парижа первые вести о переговорах между Даллесом, с одной стороны, и Мендес-Франком и Иденом — с другой. И хотя сообщения передавались разрозненно, из различных источников, общностью каждого честного журналиста было: внимательно разобраться в потоке слухов, по горячему следу найти правду в переменившемся женевском климате.

Первое сообщение, несмотря на его строгую конфиденциальность, было немедленно передано по телефону ведущими англо-американскими журналистами для всеобщего сведения в Соединенные Штаты. Оказавшись, месье Бидо умолял Даллеса блокировать успехи в Женеве своим внезапным приездом в Париж. Нельзя не отметить это сообщение: оно как нельзя лучше характеризует специфическую атмосферу американо-французских отношений.

Следующей очередной новостью, которая с быстротой молнии облетела журналистские круги в Женеве, была весть о том, что мистер Даллес прибыл в Париж мрачный, злой, взбешенный и что тон переговоров был весьма далеким от сердечной обстановки, столь обязательной для встречи «союзников».

Немедленно по возвращении в Женеву английский министр направился к В. М. Молотову, а Мендес-Франк — во французскую резиденцию. Там он информировал членов своей делегации о «результатах мучительного дня, как передали мне один из ответственных сотрудников, пожелавший до поры до времени остаться неизвестным. Судя же по итоговому коммюнике, государственный секретарь не убедил своих собеседников слепо следовать американскому курсу политики «с позиции силы». Участники парижских переговоров смогли лишь заявить о «ясном понимании» их «соответствующих позиций» в отношении Индо-Китая. А это довольно далеко от согласованной политики трех западных держав, которой рассчитывал добиться Даллес.

Тем временем в Женеве шли успешные переговоры между заместителем премьер-министра Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом и министром иностранных дел бабодевского правительства Вьетнама Тран Ван Доном. Сравнительно парижские переговоры с женевскими (между обоими вьетнамскими делегациями), Женевьева Табуи подчеркнула, что значение этих последних легко оценить, если вспомнить Берлинское совещание, во время которого американский делегат мистер Даллес из всех сил пытался не допустить таких двусторонних переговоров.

В Женеве попрежнему сохраняется твердая уверенность в том, что имеется реальная возможность быстрого согласования спорных вопросов.

15 июля Сегодня был такой kaleidoscope дипломатических встреч, что его не сразу можно охарактеризовать и оценить. Официальных коммюнике нет. «Мэзон де ля пресс» снова гудит, как потрещавший улей, и репортеры не успевают сообщать в свои редакции все новые и новые слухи...

16 июля В Женеве так же, как и вчера, продолжаются двусторонние переговоры. Ночью в «Мэзон де ля пресс» досужие хроникеры насчитали ни много ни мало... шестнадцать дипломатических встреч!

Такой оживленный обмен визитами и взглядами почти ежедневно оценивается здесь, как создание прочной основы для успешного завершения общих переговоров после двадцатичасового перекура, вызванного парижским «инцидентом».

Это этого «инцидента» прозвучало даже вчера вечером, на приеме, устроенном швейцарской прессой в честь Генерального секретаря Организации Объединенных Наций г-на Хаммаршельда. Какой-то высокий и сухопарый, весьма остроумный англичанин громко бросил такую шутку:

— Самой большой проблемой сегодня для нас является гамлетический вопрос: возможно ли мирное сосуществование... между Соединенными Штатами и западными державами, особенно с Англией и Францией!..

Эммануэль ОСМАНЧИК, полный журналист

ЖЕНЕВА, 16 июля. (По телефону)

ПРОПАГАНДИСТЫ США СОБРАЛИСЬ В НОВЫЙ ПОХОД...

ЛИТЕРАТУРА

Американская печать уделяет много места новой книге Карла Чесмана «Камера смертников № 2455», вышедшей издательством «Прентис-холл».

Газеты печатают пристрастные рецензии маститых литературоведов, телеграфные агентства передают биографические данные и фотопортреты автора. Шумная реклама превратила книгу Чесмана в «бест-селлер».

Недавно в «Нью-Йорк таймс», на странице, отведенной под наиболее важные материалы на темы дня, появилась хвалебная рецензия Орвилла Прескотта на книгу «Камера смертников № 2455». Рядом помещен фотопортрет автора книги.

Кто же такой Карл Чесман? Оказывается, бандит с большой дороги, похититель детей, насильник и убийца. А камера № 2455 — это камера смертников в тюрьме Сан Квентин (штат Калифорния), где Чесман дожидается казни за совершенные им многочисленные уголовные преступления.

Семнадцать преступлений Чесмана доказаны бесспорно. Он в них признался. В их число входят: кража со взломом, несколько изнасилований, похищение детей для вымогательства выкупа, убийство и т. п. Чесман ждет казни. Но она откладывается. Причина? Как ни странно, но последнее, восемнадцатое преступление Чесмана — похищение и изнасилование 17-летней девушки — вызвало какие-то сомнения у серболового губернатора Калифорнии Найта, а сама жертва не может дать показаний, так как лишилась рассудка и находится в сумасшедшем доме.

Говоря о книге Чесмана, «Нью-Йорк таймс» старается доказать, будто он убивал, грабил и насиловал потому, что чувствовал себя «сверхчеловеком».

Рецензент удивляется «интеллектуальным преходством» Чесмана над полицейскими и тюремными надзирателями, над рядовыми гангстерами и мелкими преступниками.

В «Камере смертников № 2455» Чесман делится своим богатым уголовным опытом для просвещения подрастающего американского поколения. И эту грязную, вносящую чувство омерзения исповедь бандита и насильника «Нью-Йорк таймс» объявляет интересным событием американской литературной жизни.



Карл Чесман, № 2455

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В городе Сан Луисе состоялась ежегодная конференция Американской ассоциации психиатров. Как сообщает «Нью-Йорк таймс», президент ассоциации доктор Беннет Э. Апел, открыв конференцию, отметил, что «в мире господствует страх, ненависть и взаимные подозрения».

«Вполне возможно», — заявил Апел, — разрешить все конфликты путем переговоров, уступок и взаимной договоренности. Не прибегая к разрушительной ненависти и силе оружия».

Говоря о тревожном росте числа американцев, заболевших психическими болезнями, доктор Апел дал понять, что это непосредственно связано с искусственно разжигаемой в США военной истерией. Апел заявил, что ежегодно в США госпитализируется 1 000 000 психически больных новых пациентов.

РАДИО

Примерно год тому назад директором «Голоса Америки» был назначен Эриксон — вице-президент крупного нью-йоркского рекламного агентства «Мак Кани — Эриксон». Эриксона назначили на эту должность, поскольку он был известен, как опытный специалист по рекламе залежалых и фальсифицированных продуктов и товаров.

Проработав менее года, Эриксон подал в отставку и вернулся на работу в свое нью-йоркское агентство. Видимо, он пришел к выводу, что гораздо легче (да и выгоднее) рекламировать фальсифицированные продукты, чем фальшивую демократию.

Руководство Информационного агентства США, однако, не отказалось от мысли, что к рекламе американского образа жизни следует подходить, как к любой другой коммерческой операции. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что новым директором «Голоса Америки» недавно назначен Джек Поппель — вице-президент крупной радиостанционной компании «Мючлуэл Бродкастинг Систем». После того, как ФБР проверило лояльность Поппеля и одобрило его допуск к столь ответственной работе, новый директор «Голоса Америки» (по сообщению той же газеты) призвал своих почитателей к тому, чтобы «они чувствовали себя посланцами, способными хорошо продавать Америку... народам мира».

ОБРАЗОВАНИЕ

Совсем недавно большая группа преподавателей различных колледжей Нью-Йорка была уведена с работы за отказ дать показания в комиссиях конгресса США о своих политических взглядах. «Нью-Йорк таймс» сообщает, что управление высшего образования в Нью-Йорке отстранено от работы в Хантер-колледже трех профессоров — докторов наук: математика Луиса Вейснера, музыковед Чарльза Юза и доктора психологии и философии Джеральда Мак Гилла. Каждый из этих ученых преподавал в Хантер-колледже около трех десятков лет. Их уволили «по подозрению в коммунизме», а специальная комиссия приступила к расследованию их «лояльности».

В каком же духе будут воспитываться американскую молодежь правящие круги США? Какое воспитание считается лояльным? «Нью-Йорк таймс» дает вполне определен-

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Моск. Литгазета. Телефоны: секретаря — К 4-04-62, разд. лит. и искусства — К 4-02-29, редакция — К 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ЛОНДОН, 16 июля. (По телефону)



ленный ответ и на этот вопрос, опубликовав выступление президента университета города Тампа (штат Флорида). Сей ученый муж заявил: «Я считаю, что у нас должна быть тотальная военная подготовка, базирующаяся на законах джунглей: каждый должен овладеть искусством убивать. И лично не думаю, что военной должны заниматься исключительно армии, военно-морской флот и авиация или что должны быть введены какие-либо ограничения оружия уничтожения людей или методов их применения».

Я одобряю бактериологическую войну, газовые, атомные и водородные бомбы, межконтинентальные ракетные снаряды и т. п. Я бы не просил милосердия даже для госпиталя, церкви, учебных заведений или каких-либо специальных групп населения».

Ассоциация учителей города Питтсбурга опубликовала в июне этого года заявление, из которого явствует, что за последнее время 66 учителей городских школ были уволены школьными, а у 170 учителей ученики укрывали их личные вещи; 92 учителя сообщали, что родители школьников угрожали им расправой в случае, если они будут слишком требовательно относиться к своим ученикам. Подобные факты отмечаются во многих городах и штатах США...

Классы в школах переполнены. Не хватает школ, не хватает преподавателей. По данным Колумбийского университета, в настоящее время в школах США не хватает, по крайней мере, 53 000 учителей. Вместе с тем тысячи учителей бегут из школ из-за именных окладов...

В городе Бруклайн (штат Массачусетс) в течение многих лет во всех средних школах города ученикам преподавали только печатные буквы. Закончи среднюю школу, учащиеся умели читать только печатный текст и писать только печатными буквами; они совершенно не разбирались в письменном тексте. Заведующий городским отделом образования Каверли считает это «нововведением» большим достижением...

Знаменитый Йельский университет недавно опубликовал объемистый отчет своего «центра по изучению алкоголизма» под названием «Ньянство в колледжах». На основании тщательного опроса студентов 25 высших учебных заведений США, исследователи пришли к выводу, что 80 процентов студентов и 61 процент студентов регулярно употребляют спиртные напитки. Из этого числа примерно половина систематически выпивает до состояния сильного опьянения. Кстати, преподаватели колледжа Хофстра недавно опросили 1000 учащихся средних школ в графстве Нассау (штат Нью-Йорк). Выяснилось, что 90 процентов школьников регулярно выпивают, хотя, как успокоительно заверяет журнал «Таймс», только от 2 до 5 процентов учащихся можно считать законными алкоголиками...

Одна из спортивных страниц «Нью-Йорк таймс» привлекает внимание страшной фотографией: крупным планом заснят взрослый лысый мужчина, который горько плачет.

Заметка под фотографией повествует о том, что хозяин безыбойной компании «Сан Луис Кардиналс» продал знаменитого бейсболиста Энса Слотера хозяину команды «Нью-Йорк янкиз». Фоторепортер «Нью-Йорк таймс» заснял Слотера в тот момент, когда он узнал, что его продали другой команде...

Профессиональные спортсмены в США подписывают контракты с владельцами команд на много лет вперед. Хозяева имеют право в любой момент, без согласия игрока, продать его любой другой команде, либо обменять на другого спортсмена.

Энос Слотер играл в команде «Сан Луис Кардиналс» 16 лет. Выхлиывая, как ребенок, он сказал репортеру:

— Это страшный удар для меня. Я отдал этой команде лучшие годы моей жизни, а теперь меня продали, потому что удаю, что я постарел...

Слотеру 38 лет.

Рис. В. Фомичева

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

Таковы будни американской культуры в изображении влиятельной и хорошо осведомленной «Нью-Йорк таймс». Заметки, взятые нами из этой газеты, вряд ли нуждаются в комментариях, — так ясно, на конкретных фактах, характеризуют они процесс распада и гниения буржуазной культуры, «полуварварские» дикие нравы, господствующие в американской литературе, просвещении, спорте, атмосфере военного психоза в США.

Трудно сказать, сочтет ли нужным оповестить весь мир об этих и им подобных «достижениях США в области культуры» новый советник при пропагандистском аэропаге в Вашингтоне Дженоб Контер. Но зато ясно, что ни «походки» буржуазных пропагандистов, ни антисоветская клевета не помогут замаскировать и скрыть правду о ненависти народам «американском образе жизни», о гниении долларовой культуры в США, отравляющей своими низкими сознание и души людей.

В британском парламенте

Британский парламент — одно из самых красивых и самых обширных зданий Европы. Его архитектура соединяет в себе легкость и фундаментальность, его отделка — официальная строгость и уютную комфортабельность. Он связан со всей историей Британской империи, поклонники буржуазного парламентаризма любили называть его символом независимости Англии, ее государственной гордостью.

Сегодня у подножия стометровой башни «Большого Бена» и на площади под ее статуей короля Ричарда — Львиное сердце трудно найти место, где поставить машину. Гигантско-поисменные и специальные распорядители в красной ливрее подают команду водителям, и рев моторов сдвигается с медленным звоном башенных часов.

Возле входа в парламент — очередь желающих слушать дебаты. Среди них много американцев, много людей из Африки, из Индии...

Мы мигом Вестминстерский зал, построенный еще в конце XIV столетия, и входим в зал святого Стефана, где когда-то происходили заседания палаты общин. Он напоминает готическую базилику с цветными витражами высоко расположенных окон. Под ними — большие живописные панно, посвященные значительным датам истории Великобритании. Среди них одно кажется сейчас особенно интересным: королева Елизавета поручает лорду Уолтеру Релею отправиться в Америку для открытия новых земель.

На скамьях вдоль стен сидят люди, читающие пропусков. Под высокими сводами, отделанными резьбой, гулко раздаются быстрые шаги людей, которые торопятся проникнуть в зал заседаний или хотя бы посмотреть выход спикера.

В центральном зале с готическим потолком, украшенным золотой мозаикой, люди уже образовали проход, по которому должны вскоре проследовать процессия. Вот по является фигура в туфлах, чулках и во фраке старого покрова. Вслед движется высочайший человек в черной мантии и в парижской шляпе. Его парик отнюдь не претендует быть похожим на естественные волосы: сразу видно, что это не более как головной убор особой формы. Перед спикером несут баулы — очень большую золотую вещь, символ спикерской власти. Далее следуют священник и секретари в париках, менее обильных, чем у спикера.

Мы поднимаемся на галерею для посетите-

телей. Могучий человек во фраке с золотым барельефом, висющим на груди, непреклонным жестом указывает нам, где сесть.

Палата общин видна нам сверху. На большом столе, расположенном посредине, лежат книги, разложены письменные принадлежности, стоят микрофоны. Этот стол отделяет правящую партию от оппозиции. В конце стола — которка секретарей. За ней — кресло спикера, обитое зеленой кожей, под бадахкином, отделанным золотом.

Заседание палаты, на котором я присутствовал, было посвящено серьезным вопросам.

Еще в понедельник Уинстон Черчилль сделал сообщение о separatum англо-американском совещании в Вашингтоне. Теперь лидер оппозиции Эттли выступил по этому поводу.

Палата спешно заканчивала рассмотрение ряда внутренних мелких вопросов. Возле стола появился Черчилль. Он прошел к началу скамьи и сел против Эттли.

Эттли начал свою речь. В его выступлении нашли свое отражение те настроения, которые все более и более овладевают самими различными кругами британской общности.

В тысячный раз заверив палату в том, что он антикоммунист, Эттли заявил, что он убежден в возможности мирного сосуществования стран с противоположными политическими режимами. В этом он присоединился к Черчиллю, который высказал ту же мысль в понедельник. Но Эттли решил сказать то, о чем не говорил Черчилль. Он сказал, что если в Женеве будет достигнуто соглашение по индо-китайскому вопросу, останется весьма трудный вопрос о Коре. По мнению Эттли, этот вопрос тесно связан с предоставлением народному Китаю места в Совете Безопасности ООН, а также с положением на острове Тайвань. «Оппозиция считает недопустимым в ООН неправильным, неразумным и противоречащим принципам Объединенных Наций», — сказал Эттли. — Есть некоторые горячие головы, — надеюсь что их не много, — которые продолжают думать о войне против коммунистического Китая и о возвращении власти Чан Кай-ши. Я считаю, что в военном отношении — это глупо, а в политическом отношении — это означает игнорирование уроков истории».

Эти слова вызвали горячее одобрение многих членов палаты общин. Громкие крики: Hear! hear! hear! — Слушайте,

слушайте, слушайте! — заполняли зал.